

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ВАЛЕНТИН ЛАВРОВ

ЦАРСКИЕ
СОКРОВИЩА
или
ЛЮБОВЬ БЕЗУМНАЯ

Граф Соколов

Валентин Лавров

**Царские сокровища,
или Любовь безумная**

«Центрполиграф»

2019

УДК 82-312.4(02)
ББК 84(2Рос-Рус)6-44я5

Лавров В. В.

Царские сокровища, или Любовь безумная / В. В. Лавров —
«Центрполиграф», 2019 — (Граф Соколов)

ISBN 978-5-227-07911-4

1917 год. По просьбе Николая II граф Соколов отправляется в Карлсбад (Австро-Венгрия) на поиски царских сокровищ. Они были украдены еще во времена Петра Великого. Увлекательные события разворачиваются на широком фоне грозных исторических событий – мировой войны и российской катастрофы, вызванной отречением государя от престола. Через всю книгу проходит история двух влюбленных сердец – Веры фон Лауниц и красавца Аполлинария Соколова. В основе книги – архивные материалы, прежде не публиковавшиеся.

УДК 82-312.4(02)
ББК 84(2Рос-Рус)6-44я5

ISBN 978-5-227-07911-4

© Лавров В. В., 2019
© Центрполиграф, 2019

Содержание

От автора	6
Часть первая. Сумасшедший мир	7
Погребальный марш	8
Правительственная телеграмма	10
Знакомые ливреи	12
Ничтожества в мантиях	14
Поэтическое прозрение	17
Хвостатый друг	19
Романс	21
Пачки денег	25
Характер народа	27
Отчаянный план	30
Древнейшая профессия	32
Вождь российской демократии	34
Года глухие	38
Музыка Легара	41
Огненная страсть	43
Верный Семен	46
Мистическое место	47
Душевный разговор	49
Знаменитый гость	51
Счастливая мысль	54
Смелый план	56
У Бухбиндера	59
Уроки мастерства	62
Профессор-диверсант	64
Ненависть рабов	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Валентин Лавров

Царские сокровища, или Любовь безумная

© В.В. Лавров, 2019

© «Центрполиграф», 2019

* * *

Боже, как тяжело за бедную Россию!
Николай II, пятница, 20 октября 1917 года, Тобольск

От автора

В основу этой книги положены подлинные исторические события, случившиеся летом – зимой трагического для России 1917 года.

Благодарю за добрую помощь в предоставлении важных, прежде не публиковавшихся материалов научного руководителя Государственного архива Российской Федерации, доктора исторических наук, профессора Сергея Владимировича Мироненко, а также сотрудников архива Н.И. Абдулаеву, Л.И. Кулагину и О.Н. Копылову.

Часть первая. Сумасшедший мир

Погребальный марш

Июнь 1917 года. Гений сыска, атлет-красавец граф Соколов, узнав о гибели на океанском пароходе сына, отца и жены Мари, погрузился в страшную меланхолию. Почти месяц он заливал горе в портовых кабаках, где не вспоминали о сухом законе, который в годы войны ввели в России. Наконец, однажды утром он поднялся с постели с твердым решением: все, пора действовать – спасти государя. Теперь после многих опасных приключений он стремился в Петроград. Он не жаждал покоя и уединения. Он хотел одного: проникнуть к заточенному в Царском Селе государю Николаю Александровичу. И не ведал наш герой, что неугомонная судьба уже уготовила ему очередное, пожалуй, самое суровое испытание...

* * *

Все рухнуло.

Могучая, громадная Российская империя с хорошо отлаженным, сложнейшим государственным механизмом неожиданно рассыпалась. Не стало порядка, не стало закона, исчезли городовые, размножились грабители и насильники, бывшее изобилие сменилось всеобщим голодом и разрухой.

Россию теперь не боялись враги и не уважали друзья. Ее мог унизить всякий, ибо у государства отсутствовал стержень, который дает силу и прочность сложной государственной конструкции, – у нее не было дисциплинированной армии и не было крепкого правительства. Но еще страшнее было то, что народ не был объединен единой и манящей целью – победить в войне.

Зато был великий раздор. Смута кровавым вихрем гуляла по некогда великой России. Император Николай Александрович под истеричным напором русской интеллигенции и глумливой толпы отрекся от престола.

Все рухнуло.

Власть захватили горлопаны-аферисты, скромно назвавшие свое правительство Временным. Это правительство оказалось совершенно непригодным для управления громадной страной, которая к тому же находилась в состоянии тяжелейшей войны.

Фронт разваливался на глазах. Солдатня, за три года устав от окопной жизни, соскучившись по родному крову и бабьему телу, с интересом слушала хитрых людишек с вороватыми глазами – агитаторов. Эти типы неведомым образом, словно вши окопные, пролезали повсюду, заводились не только в тылу, но и на передовой. Они терлись среди людей, внезапно выскакивали вперед, начинали торопливо, словно пулемет, строчить наярывающим голосом, привычно сыпать словами:

– Товарищи, от кого наши беды? От мировой буржуазии и ее эксплуатации. У буржуев промеж себя уговор – жизнь нашу угнетать. И войну они на вред простым людям начали, дескать, перебейте друг дружку! Товарищи, бросайте оружие и расходитесь по домам. Срочно! Партия большевиков и лично друг солдат и трудящихся товарищ Ленин призывают: «Всю помещичью землю – крестьянам, заводы и фабрики – рабочим». И барахло эксплуататоров – все ваше, товарищи! Не сомневайтесь, метите подчистую. Потому как они награбили, а вы – заслужили.

Выпуливая опасные слова, агитатор все время, как ворона на плетне, вертит головой и, острым черным глазом заметив офицера, тут же соскакивает на землю, норовит смешаться с толпой.

Мели, Емеля, Германия через своих посредников-большевиков за все платит!

Работенка у агитаторов была опасная, порой давно не стриженную голову вместе с пенсне теряли. Но, изощрившись в хитростях, попадались не все, а интерес денежный агитаторы имели хороший. Впрочем, лживые речи падали на подходящую почву. Выходы были зловещими.

Каждая война начинается под звуки патриотических песен, а кончается погребальным маршем.

* * *

Все рухнуло.

Наслушавшись смутьянов, начитавшись листовок германской печати, солдаты промеж себя рассуждали: «Воевали-то мы за царя, веру и Отечество, а теперь ничего этого нету. Царя свергли, а про Бога ученые объяснили, что его для свечной торговли попы выдумали. Воевали за Отечество. А где оно? Разве Керенский – Отечество? Тьфу, видимость одна. Так чего в окопах вшу кормить? Может, и впрямь хватит терпеть эту, как ее, эксплуатацию? Айда по домам! Умные люди не попусту пишут: давно пора воткнуть штык в брюхо мировой буржуазии. Будя, попили нашей рабоче-крестьянской кровушки. Теперь мы станем ихнюю, буржуазную, кровь пить да ихнее добро по домам растащим, баб ихних пощупаем, – может, и впрямь слаще наших, крестьянских? Землю помещичью промеж себя поделим. Сами помещиками заживем, разлили малина! Только спешить надо. Народец нынче наглый пошел, не успеем глазом моргнуть, как без нас все схапуют, растащат по избам, вот и поспеем к морковкину заговенью!»

Началось брожение миллионов, с дьявольской гениальностью продуманное в германском Генштабе и поддержанное российскими революционными клоповниками. Разнузданной и алчной оравой солдаты устремились к своим деревням, разбросанным по бескрайним просторам несчастной России. Бежали не с пустыми руками – заплечные мешки набивали до отказа: патронами, гранатами, бабьим платьем, сдирали с окоченелых мертвецов гимнастерки и сапоги, – все в доме сгодится.

Эшелоны облепляли, как саранча, набивались в вагоны – не вздохнуть, не выдохнуть. По нужде не пробраться до тамбура, ибо и в тамбуре стояком стояли, и на крышах лежали, и на подножках и на буферах сидели, откуда, на мгновение забывшись сном, летели на рельсы, превращались в кровавое месиво.

На войну шли, выплясывая под гармонь, высвистывая и горланя непристойные частушки и разухабистые песни. Теперь разбегались тишком и с позором.

Шел страшный 1917 год.

Правительственная телеграмма

Бывший московский губернатор, бывший товарищ министра внутренних дел России, генерал свиты его императорского величества генерал-лейтенант Джунковский в мае семнадцатого года воевал на Западном фронте, служил командиром Пятнадцатой Сибирской дивизии.

Этот человек был редкой породы и крепкого замеса. Превыше всего он ставил честь русского офицера, а смысл жизни давало служение Отечеству, престолу, Православной церкви.

Неустранимость в бою, забота о солдатах, неприхотливость в быту – все это для Джунковского не являлось какими-то особыми достоинствами, для генерала это было столь же естественным, как и дыхание.

Джунковского солдаты обожали. К каждому рядовому, пусть самому некудышному, он относился как к близкому человеку, многих знал по имени, интересовался их семьями. Порой укорял:

– Ты, Васька, когда письмо матери писал?

Рядовой ел глазами начальника и с отчаянным восторгом кричал:

– Виноват, господин генерал! Все нет время...

Джунковский укоризненно качал головой:

– Чтобы сегодня же написал, понял? Соображать, глупая башка, надо – мать заждалась...

А кормили вас нынче как?

– Спасибо, ваше превосходительство, нечего Бога гневить – хорошо поели: щи с мясом, каша с маслом!

Генерал шел дальше, а солдаты шумели:

– Вот это командир! Да мы за такого головы не пожалеем!..

Действительно, дивизия Джунковского была самой надежной и боеспособной на Западном фронте.

Утром 29 мая Джунковский сидел на стуле около штаба и точил шашку. Шашка была великолепной златоустинской работы, с тонкой золотой отделкой. Еще в 1913 году, когда он прощался с губернаторством, московские купцы поднесли ему шашку в подарок.

И ходил командир дивизии в конную атаку, словно был не седым генералом, а молоденьким офицериком, рубал в отчаянном бою врага, и смотрели на него подчиненные с искренним восхищением.

Из штаба выскочил телеграфист. Это был узколицый белобрысый парень из лифляндцев. В руках у него была лента. Он вытянулся перед Джунковским:

– Господин генерал, вам срочная телеграмма.

– Читай! – кратко приказал Джунковский.

Телеграфист повесил меж пальцев ленту, с расстановкой и заметным акцентом прочитал:

– «Начальник штаба Девятого армейского корпуса Геруа извещает начдива пятнадцатой Сибирской стрелковой дивизии генлейта Джунковского: необходимо теперь же выехать в Петроград для допроса в Чрезвычайную следственную комиссию Временного правительства по делам Министерства внутренних дел. Известить о времени отъезда и сообщить, кому сдано командование дивизией».

Джунковский принял ленту, прочитал ее раз, другой и был весьма удручен содержанием. Однако стал собираться в дорогу.

* * *

Офицеры подняли граненые стаканы, пожелали Джунковскому скорейшего возвращения, хотя все по чему-то были уверены: любимого командира арестуют и больше они не увидят его.

– Чего нюни распустили? – Джунковский обвел боевых товарищей взглядом. – Я даже все свои вещи оставляю, знаю, что вернусь.

Произнеся последнюю фразу, Джунковский осекся, поймав себя на мысли, что, вопреки правилу всегда говорить правду, на сей раз лукавит: в возвращение верилось не очень. Махнул рукой:

– Ну, вернусь не вернусь, в любом случае держите в дивизии дисциплину железную! Паршивых агитаторов преследуйте без жалости. Кормежка солдат – особый разговор, хоть сами от голода валитесь, а солдат всегда сытым должен быть. И еще – относительно приказов, которые приходят от членов Временного правительства и военно-морского министра Керенского. – Вздыхнул, откашлялся, подыскивая правильные слова. – Приказы следует выполнять неукоснительно – об этом нет нужды говорить, сами знаете. Но... – обвел офицеров хитрым взглядом, подмигнул, – выполняйте, господа офицеры, приказы из Петрограда с разумением, дабы от ваших действий не последовало вреда для дела, а была бы только польза. Поняли?

– Так точно, господин генерал, поняли! – поддержали офицеры. – С приказами Временного правительства только в нужник ходить...

Джунковский строго пресек:

– Лишнего не говорить! Приказы начальства не обсуждают, а выполняют... с разумением. – Взглянул на карманные часы – как бы на поезд не опоздать. – Ну, друзья, уезжаю, а сердце оставляю с вами. Пьем прощальную, на посошок! Как у нас, преображенцев, говорили: за всех больных и в жопу раненных!

Офицеры рассмеялись, на душе от незатейливой шутки чуть легче стало.

...Вскоре генерал Джунковский сел в поезд, направлявшийся в революционный Петроград.

В Минске его поджидала еще одна дурная весть: Верховного главнокомандующего толкового Алексеева заменили Брусиловым.

Ехавшие с Джунковским в вагоне молодые офицеры спросили:

– Почему это назначение так вас огорчило?

Джунковский отвечал с армейской прямоотой:

– Слава Брусилова дутая. По натуре своей он лакей и среди офицеров уважением не пользуется.

И действительно, вскоре стало известно: прикатив в новом качестве в Могилев, Брусилов сразу принял заискивающий тон по отношению к местным Советам, держал себя униженно. Дошло до того, что, когда на вокзале его встретила почетная стража, сделавшая ружья «на караул», Брусилов обошел весь строй, здороваясь с каждым солдатом за руку. Все были поражены такой неуместной странностью.

Знакомые ливреи

Утром 31 мая Джунковский прибыл в Северную столицу. Странно и жутко было подъезжать к граду Петра – впервые после переворота.

Решил: «Прямым с вокзала, не заезжая домой, отправлюсь на допрос. Поскорее сделаю дела, быстрее в армию вернусь! А если арестуют, то вещички, что в чемодане, в Крестах пригодятся». Крикнул лихача.

Здоровый, в синем армяке малый с наглым и по-цыгански красивым лицом подкатил на рессорной коляске, колеса на дутиках – для мягкости езды. Переспросил:

– До Зимнего дворца? Это можно! С вас, господин генерал, как раз пять рубликов будет.

– Ты что, братец, очумел? Тут пешком – два шага!

– Топайте себе пешком, теперь демократия, лихачи за двугривенный не возят. Вы, видать, у нас давно не были? Жизнь теперь веселая, свободная!

– Ты, братец, просто разбойник с большой дороги! А почему ты не на войне?

– А это без вас разберемся! А вам надо ваньку нанимать, он за стакан семечек везет. – Извозчик нагло сверкнул глазами и отъехал.

Огляделся боевой генерал да поплелся на ваньке – выезд плохой, лошадка едва тощие ноги переставляет, зато дешево.

Казалось, все на месте: те же дома, улицы, трамваи. Но поразил какой-то отпечаток всеобщего беспорядка и разнузданности. На каждом шагу горы мусора и грязи. Столбы, заборы, дома оклеены листовками и воззваниями. Подумалось: «Прежде Петербург был самым чистым городом Европы. А люди? Раньше были нарядные, улыбчивые, спешащие по своим добрым делам. Теперь все это сменилось мрачными толпами, без дела слоняющимися по проезжей части, кучками стоящими на каждом углу. Масса солдат-дезертиров. Почему их не вылавливают, не проверяют документов? Вон сколько патрулей фланирует, болтается без дела. К продовольственным лавкам – громадные голодные очереди. Как все быстро перевернулось!»

Подъехав к Зимнему дворцу, Джунковский подумал: «Хорошо, что в чемодане теплое белье, мыло, ветчина в консервных банках. Все сидеть веселей будет!» Уже у подъезда знакомые лица – швейцары, лакеи бывшего высочайшего двора. Расспрашивают, не таятся:

– Ваше превосходительство, Владимир Федорович, скажите на милость, когда настоящая власть придет? Побаловался народец малость, да пора и честь знать, порядок навести! – И тихонько: – Как бы государя уговорить, чтобы на трон вернулся. Прежде, не в пример нынешнему, лучше было!

Джунковский усмехнулся:

– Одумались! А в феврале, поди, радовались: «Отрекся Николка!»

– Грешны, батюшка, радовались, потому как дураками были! Вот Бог и наказал за дурость: ни порядка, ни продуктов. Когда это было видно, чтобы нам за два месяца жалованье задерживали? Да и что на него теперь купишь, на наше жалованье? Краюху хлеба и хвост селедки...

– Где, братцы, у вас следственная комиссия?

– И до вас, Владимир Федорович, добрались? Уж кого только не допрашивали! И Протопопов с Хвостовым – это которые были министры МВД, – и князь Андроников, и генерал Хабалов, и Бурцев-разоблачитель, и начальник охраны Белецкий, и бывший военный министр Гучков, и самого, страшно сказать, Плеве притянули, и многих других важных господ. Приезжали сюда, к примеру сказать, своим ходом, на своих рессорных колясках, а отсюда их отправляли на казенном транспорте в Петропавловку. Сидят-с, но чтобы расстреляли кого – об том пока слуха не было. Господи, хоть скорее бы вся эта волянка кончалась! Глядишь, и до нас, рабов, доберутся. Проходите, ваше превосходительство, к Эрмитажу! Допрашивают в запас-

ных комнатах, в тех, где вход с набережной. А вы уже и с вещичками? Это правильно, лучше загодя все предусмотреть. Позвольте, поможем вам...

* * *

Большая приемная забита народом, преимущественно чиновного вида, есть несколько дам. Это, как выясняется, свидетели по различным делам. Комиссия их долго не задерживает. Одни входят, другие выходят, но народ в приемной не уменьшается.

То и дело с бумагами в руках сует человек с удивительно знакомым лицом. Джунковский, к своему изумлению, в этом служащем узнает поэта Александра Блока. Думает: «А этот что тут делает?»

Блок тоже узнает Джунковского, вежливо кланяется и протягивает несколько замусоленных листков. Глуховатым голосом говорит:

– Вам, господин генерал, придется подождать. Если желаете, можете познакомиться с Положением о Чрезвычайной следственной комиссии.

– Желаю! – И, откинувшись на спинку стула, Джунковский читает: «Чрезвычайная следственная комиссия учреждается... для расследования противозаконных по должности действий лиц. Предоставляется право расследовать преступные деяния... Возбуждение предварительного следствия, привлечение в качестве обвиняемых, а также производство осмотра и выемок почтовой и телеграфной корреспонденции производятся с ведома следственной комиссии... Акты окончательного расследования комиссия представляет со своим заключением генерал-прокурору для доклада Временному правительству. Подписано министром-председателем князем Львовым, скреплено министром юстиции Керенским 11 марта 1917 года».

Джунковскому даже стало любопытно: какие такие он совершил преступления? За всю жизнь чужого алтына не взял, и на тебе: допрос, следствие и кандалный звон!

После трех часов ожидания подходит секретарь и торжественно возглашает:

– Гражданин Джунковский, вас приглашает следственная комиссия.

Ничтожества в мантиях

В просторном, с высоченными потолками зале – длиннющий стол, покрытый зеленым сукном. За столом большинство знакомых физиономий. Председатель – балагур и картежник с сытым веселым лицом присяжный поверенный Муравьев, слева – всегда отличавшийся бестолковостью сенатор Коцебу, справа – бывший прокурор Петербургской судебной палаты, страдавший запоями Завадский, главный военный прокурор Апушкин, специалист по буддизму и фольклору академик Ольденбург и прочие, менее значительные деятели.

Джунковский стоит перед этими людишками и по привычке мечтает: «Хорошо бы вас, гладкомордых, в атаку послать! То-то со страху в порты навалили бы, вонь до Петербурга дошла бы. А сейчас с умным видом вопросы станут задавать».

Несколькими минутами прежде, попивая кофе в комнате отдыха судей, председательствующий Муравьев весело рассказывал Завадскому, как вчера на Лиговке князь Вихров навестил известную актрису Цветкову. В разгар свидания вернулся муж, цирковой атлет Валентин Силаев, сграбастал князя и голым вышвырнул в окно со второго этажа. Князь на время укрылся в комнатухе дворника, прежде чем ему принесли одежду. Десятки прохожих видели князя голым, и эта история уже попала в газеты.

Завадский знал эту историю, но приличия ради выслушал ее, взглянул на брегет и произнес:

– Николай Константинович! Пора начинать.

Муравьев, словно актер перед выходом на сцену, в момент изменил выражение лица, напустил на себя серьезную мину, поправил на сальной переносице золотое пенсне, перед зеркалом вспушил душистые баки и распорядился:

– Господа судьи, все готовы? Выходим!

Муравьев, в бытность Джунковского губернатором Москвы, несколько раз обращался за помощью к нему, и Джунковский неизменно бывал любезным, всегда оказывал содействие.

Теперь Муравьев намеренно не желал вспоминать об этом эпизоде их отношений, наоборот, считал признаком порядочности быть с Джунковским очень строгим. Судьи усадились за стол, с любопытством поглядывая на допрашиваемого.

Едва кивнув на приветствие Джунковского, Муравьев сытым голосом, вальяжно развалившись в кресле, спросил:

– Гражданин Джунковский, вы предупреждаетесь, что за дачу ложных показаний несете уголовную ответственность согласно соответствующим статьям Уголовно-процессуального кодекса Российской империи. Переходим к существу дела. В феврале пятнадцатого года вы приняли должность товарища министра внутренних дел. Так?

Джунковский старался быть серьезным и уважительным, но ему мешала мысль, что весь этот допрос – насмешка и все это какая-то детская игра взрослых холеных мужиков, создающих видимость чего-то очень важного, чем они занимаются. И невольно он говорил тем тоном, каким терпеливые няни объясняют прописные истины своим малолетним глуповатым подопечным.

– Я вступил в должность пятого февраля тринадцатого года и сдал ее шестнадцатого августа 1915 года.

– Владимир Федорович, скажите откровенно: какие изъяны вы нашли в Департаменте полиции? Нас особенно интересует политический розыск. Хотелось бы, чтобы вы осветили вопросы секретного сотрудничества. Это правда, что на жалованье полиции состояли лица, бывшие членами революционных организаций?

– Первым делом я занялся корпусом жандармов, я желал сделать из него боевую единицу на железнодорожном транспорте, ибо железные дороги играют важную стратегическую роль.

Другое важнейшее дело – агентура в войсках. Иметь агентов-солдат – это разврат и развал всей армии.

Джунковский рассказывал интересные вещи. Следователи слушали с любопытством. Муравьев задумчиво жевал бороду, и на его румянном лице было написано: «Вот как я тебя! Все изменилось под нашим зодиаком, эка я тебя поставил...» Неотрывно глядя в рот Джунковского, застыл сидевший за отдельным столиком поэт Блок.

Когда Джунковский закончил, Муравьев глянул в бумагу, подготовленную для него секретарем, многозначительно спросил:

– Очень хорошо – военная агентура. Мы к ней, знаете ли, вернемся. Теперь не припомните ли что-нибудь об агентуре в средних учебных заведениях? Вам ведь есть что сказать?

Джунковский на некоторое время задумался, потом, подбирая слова, неспешно произнес:

– Однажды потребовались имена сотрудников по какому-то делу, и я вдруг увидал: гимназист седьмого класса, шестого... Меня это возмутило. Я приказал: «Впредь ни один учащийся в агентуре не должен числиться!»

– Очень интересно. – Муравьев постукивал тупым концом карандаша о крышку стола. – Расскажите о каких-либо, так сказать, конкретных фактах... Ставили, скажем, тайную типографию?

– Да, была такая мода – силами полиции открывать для революционеров типографию, а потом ее накрывали и получали за это ордена. Провокация – дело недопустимое.

– А конкретно все-таки что-нибудь...

– Ну, когда я был еще губернатором, с провокационной целью устроили побег тринадцати заключенным женщинам, замешанным в терроре, а потом ни одну не сумели поймать. Я приказал наказать виновных, но провокации изжить никогда полностью не удавалось. Впрочем, то, что я вам говорю, это прописные истины, они известны любому сотруднику охраны, незачем меня было вызывать с передовой позиции.

Козлобродый заикающийся Коцебу строго прикрикнул:

– Н-нам указывать н-не надо!

Муравьев согласно встряхнул кудрями:

– Да, Владимир Федорович, вы, так сказать, отвечайте только на вопросы. Пока что мы вас допрашиваем, а не вы, так сказать, нас...

Джунковский усмехнулся.

* * *

Допрос продолжался еще часа три.

Муравьев вспомнил, что сегодня он идет в гости к отцу жены, а времени уже четвертый час и надо допросить еще нескольких из тех, кто вызван и ждет в приемной. Он заторопился, задал несколько пустяковых вопросов и решил: «Надо его и завтра вызвать! А то начнет звенеть, дескать, из-за ерунды с линии фронта командировали! Архив охраны у нас в руках, скажу секретарю, он вопросов подготовит вагон и маленькую тележку!»

Звякнул в настольный кнопочный колокольчик, обращая внимание коллег, сидевших за столом:

– Владимир Федорович, на сегодня хватит! Допрос продолжим завтра. Ровно в десять ноль-ноль ждем, так сказать.

Джунковский удивился:

– Но мне на фронт надо быстрее возвращаться! Я все разъяснил...

Муравьев, желая досадить бывшему губернатору и показать, кто есть власть, добавил:

– Позвольте, сударь, мне знать, «все» или «не все», – и, словно злая сила в ребро толкнула, неожиданно для себя строго произнес: – Мы, так сказать, и завтра не успеем закончить. Как минимум три дня будем работать, ведь у нас и другие подследственные есть...

* * *

Два следующих дня были похожи на первый. Муравьев, а порой и члены следственной комиссии задавали какие-то вопросы, Джунковский кратко, но вразумительно отвечал.

Интересовало следователей все на свете, ибо их целью было найти хоть какое-нибудь слабое звено в деятельности Джунковского. Собственно, ради этого его и вызвали с фронта. Вновь говорили о провокации, о причинах разногласий Джунковского с директором Департамента полиции Белецким.

Чуть не час давал объяснения по поводу ближайшего сподвижника Ульянова-Ленина – провокатора-большевика Малиновского, которого полиция протащила в Госдуму.

– Я в принципе был против этой акции, а провокатора провели тайком от меня, – объяснил Джунковский. – И всегда считал, что нельзя оказывать давление на избирателей при выборах в Государственную думу.

Муравьев с нажимом, словно схватил за руку преступника, гневно воскликнул:

– А вы, как московский губернатор, не знали, что большевик Малиновский три раза судился, так сказать, за кражи со взломом? Это был обыкновенный уголовник, и по закону он не имел права быть избранным!

– Я все это узнал лишь потом, позже.

На третий день расспрашивали о секретном фонде полиции, к которому Джунковский не имел отношения и которым никогда не пользовался. Затем речь зашла о Распутине, с которым у Джунковского если и были отношения, то самые неприязненные.

Наконец, председательствующий вытер пот со лба и покрутил головой:

– Мы, так сказать, хорошо поработали. У господ членов комиссии нет вопросов? Вы, Владимир Федорович, свободны. Объявляю перерыв на обед.

Поэтическое прозрение

Джунковский облегченно вздохнул и направился к выходу. В приемной его догнал поэт Блок. Он как-то странно, сбоку, взглянул на генерала и глухим, едва слышным голосом, словно стесняясь, прошептал:

– Александр Федорович Керенский, зная о вашем допросе, просил меня передать... приватно, – и протянул пакет. – Завтра в одиннадцать утра ждет вас у себя, в Морском министерстве.

– А почему приватно?

Блок потупил красивые оленьи глаза:

– Понятия не имею. Сейчас вообще многое делается секретно.

– Большое спасибо, Александр, простите, запомнил отчество!

– Александрович! – подсказал Блок. Он шел рядом, словно желая продлить беседу.

Джунковский приличия ради спросил:

– Как нынче, стихи пишутся?

Блок взглянул на Джунковского безумным взглядом. Лицо его было измучено, оно выдавало душевные страдания.

– Какие стихи? Все погребло, впереди апокалипсис, конец света...

Джунковский возразил:

– Не надо поддаваться унынию, Александр Александрович! Вы знамениты, талантливы, вам надо творить...

Блока словно прорвало. Он заговорил как-то спутанно, отрывисто:

– Ах, зачем творить! Наша интеллигенция уже столько сделала дурного, что на двадцать поколений хватит, не расхлебать. Все требовали революцию, свержения... Ну, свергли... Еще хуже сделалось, совсем плохо. Война вот... Скажите, правда (мне Горький передавал, сам слышал как верное от фронтовика): в сырых окопах офицеры используют солдат вместо матраса: укладывают их в жижу, а сами ложатся сверху, чтобы комфортней было? А, неужели правда? Ведь это бесчеловечно, солдат тоже душу имеет.

– А вы сами в это верите?

– В наши дни девальвации моральных ценностей и оголенной беспринципности все возможно.

– Горький сказал вам чушь, этого не бывает. Лживые слухи распространяют большевики и газетчики, оплаченные кайзером. Поверьте мне, Александр Александрович, такого офицера тут же отдали бы под военный трибунал. Нынче беда в ином: солдаты выходят из повиновения, сплошь и рядом не желают подчиняться приказам офицеров, бегут с фронтов.

Блок, кажется, не слушал, угрюмо глядел куда-то в паркет. Вдруг он резко поднял глаза, и зрачки у него болезненно расширились.

– А как теперь, после этой ужасной войны, быть с человечеством? Ведь оно больно, и больно неизлечимо. Для чего Эвересты трупов, горькие океаны крови? Кому это надо? И вы, ваше превосходительство, принимаете участие в этом всемирном преступлении. Нет, я вас, Владимир Федорович, не осуждаю, я не имею права на такую роскошь – на осуждение. Но я спрашиваю: кому это безумие надо? Вот вы – военный начальник, а этого не знаете. И государь Николай Александрович не знал. И Керенский подавно ничего не понимает. А я поэт и потому правду прозреваю.

– И в чем она, ваша правда?

– А в том, что человечество давно сошло с ума. Ведь отдельные люди лишаются разума, вы не станете возражать?

– Нет, не стану.

– Так и вся многомиллионная масса свихнулась, и поступки ее необъяснимо дики, неразумны. Но если индивидуума можно посадить в психиатрическую клинику, то как человечество упрятать в палату номер шесть? Впрочем, сейчас меня, кажется, осенило. – Блок упер в Джунковского остановившийся взгляд, поднял брови и заговорил, словно в бреду: – Человечество уже живет в психиатрической лечебнице. Эта лечебница – весь земной шар. – Он руками изобразил круг и лихорадочно закончил речь: – Только человечество никто не лечит, ему не делают уколов, и потому оно болеет, болеет... Потом снова будет война, еще более страшная. И еще, и еще – без конца! Это ужасно, это сознавать невозможно, грудь давит... – И Блок пошел прочь какой-то нерешительной шатающейся походкой, не оглядываясь и что-то бормоча себе под нос.

Джунковскому стало не по себе. Он лишь мысленно повторил: «Человечество сошло с ума». Но было ли оно когда-нибудь нормальным?

...Вернувшись домой, поэт Блок занес в записную книжку свое впечатление о «красавце генерале» Джунковском: «Говорит мерно, тихо, умно... Лицо значительное. Честное. Глаза прямые, голубовато-серые. Очень характерная печать военного... Прекрасный русский говор».

Хвостатый друг

Возвращался с войны и граф Соколов. Возвращался, выполнив приказ государя, которого теперь унижительно называли «бывшим». Граф совершил беспримерный подвиг – пустил на дно кровавую германскую субмарину «Стальная акула»¹.

Случилось это в апреле семнадцатого, но газетчики, увлеченные описанием крушения империи и демонстраций под демократическими лозунгами, этого подвига почти не заметили.

Да и кому он был нужен, подвиг?

Армия распадалась, разлагалась, лишь кое-где, в отдельных дивизиях и корпусах, еще поддерживалась железной волей и авторитетом командиров. Старая государственная машина с ее аппаратом развалилась, а новая создана не была.

Герои теперь были не нужны. Теперь все бежали с фронтов и нужны были железнодорожные эшелоны и крошечное свободное местечко на полу, хоть возле туалета, хоть на крыше.

Путь гения сыска домой оказался долгим, полным опасных приключений.

Наконец, в начале июня граф прибыл в Северную столицу. Он еще не ведал, что именно в эти дни он сделает первый шаг к самому опасному и, увы, последнему подвигу своей бурной и вполне героической жизни.

* * *

Евдокия Федоровна Джунковская, фрейлина императрицы Марии Федоровны, среди множества общественных должностей, была еще председателем общины Святой Евгении. Община эта служила поддержкой сестрам Красного Креста и возникла в начале восьмидесятых годов. Силу община набрала лишь при деятельной и умной Евдокии Федоровне. Именно ей пришла мысль печатать открытки с картин выдающихся мастеров – Репина, Бём, Бенуа, Переплетчикова, Маковского и прочих, и общий тираж их превысил тридцать миллионов.

Община по милости государя занимала большой участок на Старорусской улице, по соседству с Невой. Здесь за забором, в густом парке жила фрейлина, а до отъезда на фронт и ее знаменитый брат, не обремененный семьей и имевший в доме кабинет, библиотеку и спальню.

Дом был построен в глубине парка по всем правилам классицизма: с портиком, с изящным фронтоном, мраморными колоннами и широкой лестницей, которая вела к тяжеленным резным дверям из мореного дуба. В мертвенном свете белой ночи это архитектурное величие казалось волшебным призраком.

Шел второй час ночи, и кругом царило безлюдье.

Вдруг некая таинственная фигура в офицерской шинели и с заплечным мешком возникла возле кованых ворот. Высоченного роста человек попытался раздвинуть их, но створы ворот были прочно опутаны толстой цепью и закрыты на тяжеленный замок.

Пришелец побрел вдоль ограды, внимательно приглядываясь к ее толстым прутьям. Наконец нашел один, слабо укрепленный в цоколе. Оглянулся по сторонам – патрулей не видно. Человек громадными ручищами уцепился за прут, выдрал его из основания, только вывалились кирпичи из цоколя и запахло цементной пылью. Далее человек с непостижимой легкостью загнул прут вверх и протиснул свое громадное тело внутрь, за ограду. Пробираясь по густому, заросшему парку, он осторожным шагом направился к дому.

Вдруг затрещали кусты роз, и оттуда выскочила большая лохматая овчарка. Широкими прыжками она неслась наперерез пришельцу. В сажени от своей жертвы овчарка остановилась,

¹ Об этом читайте в книге «Агент S-25, или Обреченная любовь».

ощерила верхние клыки, глухо зарычала, присела на передние лапы, примеряясь к решительному прыжку, чтобы перегрызть чужаку горло.

Человек сорвал ветку. Внимательно следя за овчаркой, смело пошел на нее, властно приговаривая:

– Цыц, стоять! На место, зверюга сердитая! Я еще свирепей, чем ты. Р-р-р...

Овчарка втянула влажным черным носом воздух и сразу как бы обмякла, сменила злобу на добродушное урчание, завиляла хвостом. Человек улыбнулся:

– Фало, дружок! Никак, это ты, старина? Ну, иди ко мне, Фало, собака ты полицейская, заслуженная. Немало с тобой мы бандитов переловили. – Человек подошел к овчарке, присел, почесал ей за ухом. Собака лизнула руку, сладострастно зажмурила глаза, подняла морду вверх. – Как тебя из Москвы сюда занесло? Ну и встреча. Рада, глупышка? И я рад. Ну все, хватит с тебя, хочу музыку твоих хозяев послушать.

Романс

Действительно, на первом этаже высокое, тщательно промытое венецианское окно было открыто, из него неслись звуки рояля, сладко таявшие в призрачном безмолвии. Приятный женский голос напевал:

Не ветер, вея с высоты,
Листов коснулся ночью лунной –
Моей души коснулась ты:
Она тревожна, как листы,
Она, как гусли, многострунна!

Мужской голос подтянул:

Житейский вихрь ее терзал...

Пришелец уцепился за окно, подтянулся и осторожно заглянул внутрь. Он разглядел в большой гостиной фрейлину, сидевшую за роялем. Ее лоб был высоким и чистым. Густая коса каштановых волос падала ниже узкой и гибкой талии. Рядом, упираясь локтями в полированную крышку рояля, спиной к окну стоял широкоплечий мужчина в домашнем костюме.

Певцы самозабвенно и дружно продолжили:

И сокрушительным набегом,
Свистя и воя, струны рвал
И заносил холодным снегом...

Пришелец решил поддержать дуэт. Он пробасил:

Твоя же речь ласкает слух,
Твое легко прикосновенье...

Фрейлина испуганно вскрикнула. Мужчина на мгновение оторопел, но тут же пришел в себя. На округлом лице зашевелилась жесткая щетка усов. По привычке хлопнул себя по бедру, где обычно висела кобура, но которой сейчас не было, и все же решительно шагнул к серевшему в оконном проеме силуэту.

– Чего надо? – Голос мужчины звучал угрожающе.

Пришелец, напевая мелодию, нахально перекинул мешок и сам влез в окно. Он спрыгнул на скрипнувший под тяжестью крупного тела паркет и с упоением пропел, с нарочитой томностью заламывая руки, заключительные строки романса:

Как от цвето-ов летящий пух,
Как майской ночи ду-унове-ень.

С укоризной взглянул на фрейлину:

– Евдокия Федоровна, почему вы перестали мне аккомпанировать? Вы так прекрасно играете! Это правда, что сам Сережа Рахманинов давал вам уроки и рекомендовал выступать на сцене? Позвольте, сударыня, поцеловать вашу ручку. М-м-м, чудесно! А это что за остолбенелая фигура в статском костюме жадной ладонью шарил по тому месту, где должна висеть

кобура? Ваш револьвер, господин генерал, лежит на козетке. Как младший по званию, сейчас подам его вам. Евдокия Федоровна, неужто этот очумелый персонаж – ваш знаменитый и отважный брат, бывший губернатор Москвы, бывший командир Отдельного корпуса жандармов, бывший товарищ министра внутренних дел Владимир Федорович Джунковский? Впрочем, унывать не стоит, теперь все достойные люди, на которых держалась империя, стали бывшими.

Хозяева наконец вышли из столбняка. Джунковский бросился к гостю, заключил его в объятия:

– Аполлинарий Николаевич, здравствуй, голубчик! Вот это сюрприз! Дай тебя расцелую, милый друг. Ты словно с неба свалился! А где наши двое охранников? И как же тебя наша овчарка не разорвала?

Соколов удивился:

– Охранники? Наверное, спят после выпивки. А что касается овчарки... Ну, это кто кого.

– Как же, как же, по дороге в Царское Село, когда на праздник Рождества ехал к государю, ты волка задавил голыми руками. Сколько лет прошло с той поры?

– Всего года четыре, а ощущение – целый век минул... Кстати, как знаменитая разыскная собака к вам попала?

Джунковский ответил:

– Когда в пятнадцатом году я покинул министерский пост, в канун отъезда на передовую зашел в сыск проститься. Фотограф Ирошников тут как тут: «Фало заболел тяжело, придется усыпить его!» Я обиделся за знаменитого Фало: «Пса с собой заберу». Так и сделал, отправил собаку с сопровождающим в Петроград, а моя милая сестрица Евдокия Федоровна кобеля вылечила.

Фрейлина согласно кивнула:

– Фало – овчарка редкой грюнендальской породы, хозяевам предана, к чужакам беспощадна. Вся округа знает ее свирепость, бояться к нам лезть. – Подошла к Соколову, погладила его плечо. – Вы сильно изменились, Аполлинарий Николаевич...

Джунковский усмехнулся:

– Нет, сестренка, наш граф остался таким же ловким на проделки, как в молодые годы! Это надо додуматься – в окно залезть. Сейчас столько всякой рвани расплодилось, что я мог бы в горячах пристрелить...

– Не мог бы! Я вначале убедился, что на тебе кобуры нет. На курок спешат нажать слабонервные, а ты у нас олицетворение мужественного спокойствия.

Хозяева рассмеялись, и эта радость, которую они давно не испытывали, на мгновение вернула в стародавние счастливые времена, когда на душе царил вечный праздник.

– Я в газетах прочитал, что тебя, Владимир Федорович, затребовали с передовой на строгий допрос в Чрезвычайную комиссию. Понял: ты в Петрограде. Если бы ты знал, как мне нужен! Хотя у нас больше нет нормального государства, а есть территория, но у меня дело истинно государственной важности.

– Я думал, что ты, милый друг, зашел ко мне по старой дружбе, а ты – из корыстных побуждений. Ну, и для чего я тебе понадобился? Что за таинственное дело?

– Вначале давайте ужинать, – сказала фрейлина. – Прислуга на своей половине давно спит, но я сей миг разбужу... Им нынче просторно – осталось всего трое: горничная, повариха да истопник. Все остальные разбежались по своим деревням – помещичье добро делить, да теперь и сытней в деревне.

Соколов подошел к фрейлине, взял ее за руки и ласково сказал:

– Евдокия Федоровна, не беспокойте прислугу. Теперь такие времена, что лишние уши – дело напрасное и опасное.

Фрейлина согласно качнула головой:

– Удивительно, но люди, почти одновременно с февральским переворотом, так переменились, так испортились, что донесут и на мать родную.

Соколов сказал:

– Докладываю, что я перешел на полулегальное положение. Случилось это нынче в половине восьмого вечера. Вот почему я проник к вам тайным образом. С нанесением повреждения вашей кованой оgrade.

Джунковский поморщился:

– Граф, ты ломал ограду? Небось ради своего экстравагантного нрава?

Фрейлина с любопытством смотрела на Соколова:

– Аполлинарий Николаевич, вы опять чего-нибудь набедокурили?

– Обязательно набедокурил! Я воспитывал торжествующего хама. – Соколов извлек из заплечного солдатского мешка три заплесневелые бутылки. – Это «Марго» урожая благословенного 1874 года. Покойный батюшка словно сердцем чувствовал государственные катализмы, в свое время изрядно запасся этим божественным напитком.

Джунковский приятно удивился, разглядывая этикетки. Фрейлина заторопилась:

– Несу все, что есть в холодильном шкафу: маслины, сыр бри, ветчину...

Джунковский объяснил:

– Это мои однополчане позаботились обо мне! Думали, что меня сразу потащат в Петропавловку, дескать, приготовили тюремную передачу... Но пока Бог миловал, за решетку потащат, но позже.

Фрейлина возмутилась:

– Володя, ты что такое говоришь! – Повернулась к Соколову: – Вы, Аполлинарий Николаевич, желаете ветчины?

– Отсутствием аппетита, Евдокия Федоровна, никогда не страдал. Хорошая ветчина с хреном да под красное бордо? По нынешним голодно-революционным временам это буржуазная роскошь.

Джунковский полюбопытствовал:

– И где, милый друг, ты остановился? В отцовском доме?

– В доме на Садовой теперь расположился Совет каких-то депутатов...

– Народ окрестил их метко: Совет собачьих депутатов, – рассмеялся Джунковский. – В Смольном, видите ли, им места не хватило. Надо влезать в частные дома.

– Понятно, что первым делом разворовали все, что еще не успели до них украсть революционные матросы, и сразу же сунулись в излюбленное место – в винный погребок. Но верный слуга, славное порождение времен крепостнических, древний Семен еще прежде умудрился перепрятать с сотню коллекционных бутылок в погреб, вход в который так замаскировал, что революционные массы его не нашли. Учитывая пролетарское происхождение Семена и его антикварный возраст, новое начальство разрешило ему на правах дворника остаться в доме. Всех остальных домочадцев прогнали на улицу. И вот теперь этот новоявленный пролетарий, монархист и верный мне человек, рискуя головой, сохранил эти реликты мирного времени и обещал по мере возможности поддерживать меня и впредь.

Фрейлина разложила на столе столовое серебро и обратилась к Соколову:

– Вы давно, Аполлинарий Николаевич, в Петербурге?

– Целую вечность – с нынешнего утра! После эпопеи на Балтике, когда удалось потопить германскую подводную лодку, я попал на миноносец «Стремительный». Тот доставил меня в новый порт Романов-на-Мурмане, что в Кольском заливе. Это от Петрограда чуть меньше полутора тысяч верст. Выдали проходное свидетельство: дескать, полковник охранного отделения такой-то извлечен из воды после потопления российскими моряками германской субмарины. Нынче-де едет по месту службы в Петроград. Ничего глупее написать было нельзя. Полное впечатление, что я германский моряк или шпион. А что я враг революционной раз-

нужданности, так это у меня, кажется, на лбу написано. Нынешнюю свободу я с удовольствием бы малость укоротил. Русскому мужику давать свободу – все равно что поставить перед ним ведро самогона и сказать, чтобы он выпил лишь одну чарку. Выпьет все ведро и с пьяных глаз зарежет жену и сожжет собственный дом.

Джунковский сочувственно покачал головой:

– Каждый патруль считал за дело доблести задержать тебя?

– Именно так! Едва на платформе покажешься, как тут же слышишь: «Гражданин, твое удостоверение!» И ведут под дулами ружей в комендатуру. Вот я и пробирался в Петроград почти полтора месяца. Десять раз меня арестовывали революционные товарищи, пять раз водили на расстрел. Каждый раз удавалось уходить. Однако, друзья, я вновь с вами, вновь вернулся в Петербург. Меня здесь, увы, с цветами не встречали...

Джунковский вставил:

– С музыкой и с цветами у нас встречают лишь германских шпионов – Ульянова-Ленина и его приятелей.

– Да, у нас чем чудней, тем веселей! Я проделал на родину тяжелый путь, кажется, лишь для того, чтобы какая-то рвань не пустила меня в родовой дом. Как вам это нравится?

Фрейлина смиренно вздохнула, перекрестилась:

– За наши грехи Господь посылает испытания!

Пачки денег

Джунковский, ласково глядя на приятеля серо-голубыми глазами, с легкой улыбкой спросил:

– А в своем родовом гнезде, чувствую, ты дров, Аполлинарий Николаевич, наломал?

– Нет, не дров – костей. – Лицо Соколова потемнело. – О гибели своих близких – жены, сына и отца – я прочитал в газетах, едва сошел на берег. Ведь я своими глазами видел, как немцы пустили на дно «Цесаревича Алексея»! Но я не знал, что на его борту находятся дорогие мне люди. И вот теперь, направляясь в свой петербургский дом, я думал прикоснуться к предметам счастливых безвозвратных дней, пожить в родных стенах, отдохнуть телом и душой. Подхожу, наблюдаю: у парадных дверей стоят двое в шинелях, ружья держат как лопаты. Пропускают лишь по удостоверениям. Взглянул я на окна – чужие люди. На балконе какие-то оборванцы самокрутками небо копят. Я спокойно мог бы задами с черного хода войти – все лазейки с детства знаю, да выиграло во мне самолюбие. По какому праву, пока я воевал, эта тыловая рвань дом мой захватила? Ну и напрямик к мраморному подъезду. Солдаты штыками путь мне преградили: «Свой мандат предъяви!» Я им в личики глянул и шепчу: «Крысы революционные, это мой природный дом, я в детстве тут жил, моя комната на втором этаже». Но они меня не поняли, лишь на «крысу» обиделись, стали обзывать «буржуем недорезанным». Штыки к моей груди приставили, требуют: «Пошел вон, стрелять будем!» Достали полицейские свистульки, щеки раздули – для моего ареста подмогу звать. Я этих вояк за грудки ухватил да затылками о дубовую дверь так шмякнул, что они полумертвые на ступеньки рухнули, только из брыластых ртов свистульки торчат.

Фрейлина перекрестилась:

– Господи, ужас какой! – и отправилась в столовую накрывать на стол.

Соколов продолжил рассказ, а Джунковский внимательно слушал.

– Все произошло столь стремительно, что на эту сцену никто из революционных товарищей внимания не обратил. Я походил по дому, полюбовался мерзостью запустения, окурками и плевками на роскошном пар кете, послушал матюги представителей новой власти. Причем женщины не уступают в этом искусстве мужчинам – эмансипируются! Шныряют из дверей в двери, в зубах папиросы. Я видел изуродованную мебель, порванные штыками картины фламандцев. Там, где была библиотека, трещат машинистки, на полу кучи мусора. В мою спальню притащили столы, на них – горы бумаг, за столами – уголовные типажи. Гостиную перегородили пополам, стащили сюда из других помещений антикварные шкафы и столы. Везде суета неимоверная, шум, гам, орут по телефонам. По коридору слоняются личности в штатских пиджаках и военном галифе, хлопают дверями, переругиваются. Одноглазая бабка, похожая на горьковскую старуху Изергиль, налетела с разбегу на меня, трясет за рукав, орет: «Почему накладные не подписаны? Пойдешь под трибунал!» Дом умалишенных! Уже решил: «Принесу бензин, пролью его в коридорах, снаружи припру двери ломом, подожгу. Пусть сгорит вся нечисть, которая воровским путем влезла в мое родовое гнездо!» Да вдруг смотрю – глазам не верю: с метлой и в дворничком переднике идет наш старинный слуга Семен. Вот это встреча! Обнялись мы, всплакнул Семен и утащил меня в свою клетушку. Вовремя мы ушли: Аники-воины на ступеньках очухались, рыщут, желают меня арестовать. У Семена меня не нашли, а тот открыл тайну: «Когда ваш батюшка в Америку на пароходе поплыли, то перед тем ходили грустный, знать, у него такое предчувствие было. И он передал мне большую шкатулку. Мол, храни, Семен, для молодого графа, то есть для вас. Наказал: там, дескать, фумильные кольца-браслеты, а еще деньги в ассигнациях, потому что он, то есть вы, всегда имеете привычку много транжирить, мол, в кого такой мот, то есть вы, пошли? Теперь имения наши, то есть ваши, в Тверской и Самарской губерниях сожгли, землю крестьяне захватили, и никаких денег оттуда

больше впредь не предвидится. Шкатулочку я сразу же в подвале поглубже запрятал и теперь вам, сударь мой, верну. А еще вам есть удовольствие: прежде чем солдаты въехали в наш дом, я в том же подвальчике шесть корзин со старинным вином спрятал. Так что спустимся осторожно и все забирайте, чтоб этим извергам ничего не досталось».

Мы спустились с Семеном в подвал. Там, в углу, находился люк, который вел в небольшое помещение, которое прежде было ледником. Люк был завален разным мусором, а кольцо, чтобы внимание не привлекать, Семен свинтил. В леднике действительно нашел шесть плетеных корзин с редчайшими винами, которые отец так любил. Забрал полдюжины бутылок, вынул из шкатулки несколько пачек денег. Теперь я богат, словно Крез. – Спыхватился: – Владимир Федорович, ты помнишь Веру фон Лауниц?

– Как не помнить, когда в четырнадцатом году мы передали через эту Веру пакет с дезинформацией для самого Вальтера Николаи, главы германской разведки!

– Демобилизационные планы России? Да, я Вере передал пакет, и мне немцы даже прислали вознаграждение, – рассмеялся Соколов.

Джунковский широко улыбнулся:

– Но главное, Вера – твоя аманта.

Соколов напустил на себя серьезный вид:

– Любовница? Да, но только в оперативных целях. Так вот, Вера сейчас в Петрограде. Мне Семен сказал, что она днями искала меня на Садовой. – Соколов умолчал, что он скучал об «аманте» и заходил на ее старую квартиру на Невском, но она сменила адрес.

Джунковский удивился:

– Фон Лауницы живут в Берлине! Как Вере удалось пробраться через линию фронта? – Хитро улыбнулся. – Впрочем, для влюбленной женщины нет преград. Ты, Аполлинарий Николаевич, счастливее, от тебя женщины без ума.

Соколов рассмеялся:

– Да, лучше быть без ума от любви, чем от природы...

В это время фрейлина пригласила:

– Господа, ужин подан, проходите в столовую!

Характер народа

Дом Джунковского, точнее, его сестры был обставлен без особой роскоши – все самое обычное, самое необходимое.

В столовой хрустальная люстра отражала блики свечей, зажженных фрейлиной. Большой обеденный стол был накрыт лишь с торца на три персоны, сервирован серебряными приборами и застелен белой шелковой скатертью с затейливыми вензелями фрейлины – «Е. Д.». В фарфоровой вазе белели свежие ромашки. Стекла буфета сказочно играли всеми цветами радуги. Стены были увешаны картинами хороших русских мастеров, многие из которых Джунковский получил в подарок, когда был губернатором Москвы: Поленова, Саврасова, Сергея Виноградова, Репина. Соколов долго любовался большой панорамой Константина Юона «Москворецкий мост», подписанной 1911 годом: зимний город, толпы спешащих людей, едущие сани, груженные возы, трамвай, осторожно катящийся с моста, древний Кремль и дымы, поднимающиеся из множества труб.

Соколов с тоской подумал: «Прекрасная жизнь налаживалась веками, а рухнула в час единый! Удивительно и прискорбно». Дабы не взболтать осадок, он с необходимой осторожностью откупорил бутылку. Джунковский выложил консервы на тарелки. Фрейлина принесла из погреба обещанные сыр бри и свежий окорок с хреном и маринованными огурчиками, нарезала лимон.

– За государя и его августейшую семью. – Соколов поднял бокал. – Да продлит Создатель их дни, пусть государь вновь будет призван на службу России!

Фрейлина отозвалась:

– Этот тост хорош уже тем, что борцы за якобы свободную Россию могут за него в Петропавловскую крепость замкнуть.

Соколов согласился:

– Свободы было слишком много, а ее излишек в России всегда переходит в анархию и разнузданность.

Смакуя, осушили бокалы. Знаток изысканных напитков, Джунковский почмокал губами:

– Изумительно густое, насыщенное вино. Пышный аромат винограда! А теперь, друзья, выпьем за то, чтобы Россия на страх врагам воспрянула в новой силе, опять стала бы могучей империей.

И снова наполняли бокалы. Пили за победу российского оружия в нынешней войне, за офицерскую честь, за доблестных солдат. Вино делало душу покойной, на краткое время заживало раны, нанесенные войной и революцией.

Фрейлина понимала: мужчинам надо поговорить наедине. Она раскланялась:

– С вашего позволения иду спать, – и удалилась величественной походкой.

Соколов деликатно спросил:

– Владимир Федорович, твой допрос в Чрезвычайной комиссии – секрет?

– Нет, конечно! Началось с того, что двадцать девятого мая в штаб армии пришла правительственная телеграмма, которой меня затребовали для допроса в Чрезвычайной следственной комиссии по делам Министерства внутренних дел. Все так и ахнули, решили: по приезду в Петроград я буду арестован и присоединен к уже находящимся за решеткой царским министрам.

Соколов согласился:

– За верную службу в России любят наказывать.

– Мне очень не хотелось оставлять дивизию, и я боялся за ее будущее. В дивизии был большой некомплект, по этой причине в последнее время к нам влилось немало сырых, необ-

стрелянных новобранцев, которых агитаторы еще прежде успели развратить лживыми идеями «всемирного братства трудящихся».

Соколов гневно раздул ноздри:

– Да, идеи интернационализма – мирового братства – прекрасны, но, к сожалению, они хороши лишь в теории. На практике ими ловко пользуются всякого рода политические карманники. Надо помнить: пока существуют национальности, до той поры будут существовать различия народов в их характерах, обычаях. Немцам наверняка известны достижения психологов, изучающих особенности народов и рас. Те давно знают, что у всех народов, в том числе и у русского, есть не только замечательные качества, но и отрицательные...

Джунковский удивился:

– Признаюсь, я об этом даже не думал! И что характерно для нашего народа?

– Великодушие и сострадательность, склонность рисковать, надежда на удачу...

– То есть на «авось»?

– Так точно! Доброжелательность, смирение с судьбой, стойкость, выдержка, умение споро работать в трудных условиях, крайняя неприхотливость в быту, нестяжательность, жажда высоких духовных идеалов и многое другое.

Джунковский с интересом слушал:

– Это так! Но какие качества нашего народа ты, граф, не одобряешь?

Соколов продолжал:

– Наш народ весьма склонен доверять всякого рода аферистам, которые не скупятся на химерические обещания, а многие жаждут только мгновенного обогащения.

Джунковский улыбнулся:

– Да, одна история с банком Ивана Трахмана в Москве чего стоит! Достаточно было пообещать вкладчикам громадные проценты, как потащили ему свои сбережения и генералы, и бедные старушки. Понятно, этот Трахман всех надул и с деньгами сбежал в Париж, где ты, граф, его и арестовал. А сколько таких аферистов на нашей земле!

– Но если Трахман обманул сотню-другую простодушных русских, то социалисты и окопные агитаторы хотят обмануть весь народ, обещая в далеком будущем горы золотые. И русские люди верят им, ибо от природы расположены верить во все хорошее. Этому способствует и другая черта народа: русские, готовясь совершить что-нибудь значительное, как правило, не обдумывают в деталях дело, а скорее полагаются на свою интуицию.

Джунковский с жаром заговорил:

– Вот ты, Аполлинарий Николаевич, упомянул о сострадательности нашего народа. Мне на память пришел дикий случай, произошедший накануне моего отбытия в Петроград. Мои разведчики захватили германского унтер-офицера сто пятидесятой самокатной роты Курта Швецера. Он охотно отвечал на все вопросы. И когда допрос был уже закончен, вдруг заявил: «Если германские солдаты еще не умерли с голоду, то за это обязаны благодарить прекрасных ребят – русских солдат!» Я удивился: «За что именно?» И тут мы узнали нечто возмутительное. Оказывается, наши солдатушки, которых продовольствием снабжают превосходно, наладились подкармливать врагов. Делают они это в утренние часы – с четырех до шести. Наши солдаты меняют хлеб, мыло, сахар на всякую ерунду: на папиросы, часы, перочинные ножи, открытки с голыми девицами. Это явление на Западном фронте приобрело массовый характер. Позже слова Швецера подтвердили и другие пленные. По их словам, русская продовольственная помощь весьма существенна и помогает переносить голод. Германское военное начальство этот обмен одобряет, да и русские офицеры не препятствуют. Только я собрался отыскивать виновных и закручивать гайки, а тут – кати в Петроград.

– Расскажи, что ты нашел в пакете от Керенского?

– Тот просит меня «для частного, но очень важного разговора» быть у него завтра к одиннадцати часам в Адмиралтействе, где он, согласно должности военно-морского мини-

стра, теперь занимает квартиру своего предшественника Григоровича. Признаюсь, я решил не ходить. Какие у меня могут быть разговоры с погубителем России? Тем более что мне надо успеть побывать в имении, что в Курской губернии, недалеко от железнодорожной станции Лукашевка. Там будут ждать лошади. Вместе едем, граф? Отдохнем на природе. Не хочешь? Жаль! В имении пробуду два дня. И оттуда – на фронт, через Минск на Западный фронт.

Соколов с легким ехидством спросил:

– А присягу Временному правительству принял?

Джунковский дернул шеей, на скулах вздулись желваки.

– Да, одиннадцатого марта. До конца жизни буду скрипеть зубами при воспоминании об этом позоре. Я словно отрекался от всего, что читил с детства: от родины, от государя, от самого себя. Смерть казалась желанной. Ведь с этой присягой рушилось все, чему молился, чему всю жизнь посвятил. Но для блага России присягнуть было необходимо. – Вздохнул. – Мое положение генерала свиты его императорского величества сделалось щекотливым. Гнусные газетчики обливают грязью Николая Александровича и царствовавший дом, а я продолжал носить вензеля государя. Те, кто знал мой характер, гадали: застрелюсь или нет? Не верили, что я присягну Временному правительству. Солдаты прямо говорили: «Коли дивизионный командир присягу не примет, то и мы не станем». Задушил свою гордость, сделал то, что нужно было России. Принял первым присягу – сидя верхом на коне, за мной вся дивизия – в полном порядке, слава богу.

Соколову стало неловко за неуместность своего ехидного тона. Джунковский понял настроение приятеля, ободрил его:

– Эх, граф, нельзя ни на секунду забывать: мы временны на этой земле. И кому, если не нам, следует радеть о величии Отчизны? Все эти временные правительства канут в Лету, а останется русский народ, останутся наши внуки и правнуки, останутся города и села. Может, и вспомнят о тех, кто берег честь родины? А не вспомнят – не беда. Главное – наша совесть чиста перед Богом и перед потомками.

Отчаянный план

Джунковский видел в Соколове былинного героя, какие водились на Русской земле в незапамятные времена. Он восхищался подвигами графа, он любил его как бесстрашного и умного человека и заранее решил, что сделает для него все возможное, о чем бы гений сыска ни попросил. Он предложил:

– Давай, друг, выпьем еще по одной! И ты наконец скажешь, за каким важным делом прибежал среди ночи. Что тебя заставило выламывать ограду?

– Во-первых, у тебя я ищу временного прибежища. В гостиницах нынче места не найти, да и останавливаться в них опасно.

– Живи сколько захочешь. А во-вторых?

Соколов, глядя в лицо приятеля, душевным тоном произнес:

– Я непременно должен побывать у государя. У тебя с губернаторских и министерских времен остались во влиятельных кругах богатые связи. Помоги мне проникнуть в Александровский дворец Царского Села.

Джунковский отрицательно покачал головой:

– Думаю, это невозможно. Я интересовался участью государя. Александровский дворец превращен в настоящую тюрьму строгого режима. Режим этот определил Керенский инструкцией, им лично составленной. Заключенным строжайше запрещено покидать дворец. Богослужения проходят в дворцовой церкви. Свидания? Их милостиво может позволить лишь сам Керенский. Так, преподаватель английского языка Гиббс много недель бегаёт по различным инстанциям, но везде получает отказ. Одну из таких бумажек он мне показывал: отказ подписали пять министров Временного правительства. Так что, граф, ты стоишь перед глухой стеной жестокой мстительности.

Соколов задумчиво покачал головой:

– Признаться, я не знал, что безобидных людей охраняют строже, чем убийц.

Джунковский продолжил:

– Керенский запретил государю встречаться без свидетелей даже... с супругой. Когда свидания с Аликс случаются, то обязательно присутствуют солдаты-конвоиры. И все разговоры супруги должны вести исключительно на русском языке, чтобы конвоиры могли все понимать. Это сделано якобы с целью предотвращения их побега, а на деле – издевательства ради.

Соколов сжал кулаки:

– Эти мерзавцы, захватившие власть, уже успели забыть, что государь сам отрекся от престола, желая избежать внутренних потрясений.

Джунковский с прищуром взглянул на приятеля:

– А можно узнать, с какой целью ты желаешь видеть царственного узника?

– Надо предложить услуги для организации побега.

– Побег невозможен!

– А разве потопить в одиночку германскую субмарину «Стальная акула» возможно? Но я сделал это. Кстати, задание мне давал сам государь, и я обязан доложить о проведенной мною диверсии. Кроме того, необходимо морально поддержать императора и его августейшую семью: пусть знают, что на Руси живут не только предатели, но и те, кто верен присяге.

Джунковский понимающе кивнул:

– Да, государю твой визит будет приятен. Тем более, если память не изменяет, он летом пятнадцатого года отказался принять тебя, когда ты прибыл в Александровский дворец, пытаясь предупредить убийство Распутина.

– Если не принял, значит, была на то державная воля. Важнее другое. Из достоверного источника стало известно: Керенский со своими недоумками хотят отправить царственных узников в какое-либо отдаленное место Сибири, откуда побег будет невозможен.

Джунковский возразил:

– Но ведь революционеры сотнями бегали из Сибири, добирались до Англии и Америки...

Соколов усмехнулся:

– Бегали с помощью охраны, чтобы осведомлять ее о преступных замыслах революционных сообщников. Кто теперь поможет государю и его близким? Время терять нельзя.

Джунковский сделался серьезным, отставил недопитый бокал и молча, словно решая какую-то задачу, прошелся по гостиной. Его короткие козловые сапожки утопали в мягком ковре.

Поднялся с кресла и Соколов, выпрямился во весь двухметровый рост и следил за приятелем.

Джунковский подошел к гению сыска, снизу вверх заглянул ему в лицо:

– Ты, наверное, помнишь, что наши отношения с государем в пятнадцатом году испортились. Причиной стал мой доклад царю о вредном влиянии Распутина, о его кознях. Государь тут же снял меня с поста товарища министра. Но я сердца на него не держу, мне государя искренне жаль. Керенский подлец, он жестоко с августейшей семьей поступил. Сейчас поголовно все отвернулись от государя. Вот почему твоя, Аполлинарий Николаевич, преданность особенно благородна. Да, я не хотел общаться с Керенским, но ради твоего дела отправлюсь утром в Зимний дворец, подпущу елею якобы гениальному уму министра, а потом попрошу для тебя разрешения посетить государя – предлог я найду.

– Спасибо тебе, друг! Ведь не ради себя стараюсь. Прости, что заставляю тебя идти на такой подвиг...

Джунковский обнял приятеля за плечи:

– Это ты, гений сыска, идешь на подвиг, полный смертельного риска! Рожденный для героических дел без дела киснуть не может!

Древнейшая профессия

На другое утро Соколов с аппетитом завтракал. За столом сидела фрейлина и Джунковский, который пил кофе и проглядывал последний, девятнадцатый номер журнала «Нива». Вдруг он широко улыбнулся:

– Без смеха, друзья, об этом читать невозможно! Каких высокопарных слов удостоился Керенский в нашем лучшем журнале: «Его, как первую любовь, России сердце не забудет – первого гражданина свободной России, первого народного министра юстиции – министра правды и справедливости! Изю дня в день с восторгом пишут об Александре Федоровиче в газетах и журналах всего мира, сотни deputаций от русских и иностранцев приветствуют в его лице революционный русский народ, создавший улыбающуюся, справедливую, благородную революцию. Тысячи людей несут к нему и радость своих нынешних свободных настроений, и неизжитую еще печаль былой своей рабской жизни. Имя Керенского стало во всем мире благородным символом Великой Русской Революции»... И так на многих страницах, все в самых восторженных словах! Ну, утомили...

Фрейлина покачала головой:

– Как только бумага выдерживает!

– Это лишь цветочки, ягодки впереди. Оказывается, маленький Саша Керенский (которого, разумеется, все нежно любили) едва научился ходить и говорить, как тут же «его живое воображение творчески воссоздало всю вековую картину подневольной жизни всего русского народа». Так-то! Народа, разумеется, «терпеливого, работающего, незлобивого, все выносящего, многострадального, трезвого». Каково?

Соколов хмыкнул:

– Да, «трезвого» – особенно! У нас последние полвека паразитирует целая когорта профессиональных восхвалителей «народа», которые не жалеют для него самых высокопарных эпитетов и сделали из этого восхваления профессию.

Джунковский продолжал:

– Малолетний Саша, когда еще ходил в коротких штанишках, оказывается, «полюбил этот трудовой народ всем пылом первой, молодой, юношеской любви, проникся глубоким уважением к первым борцам за свободу и счастье народа».

Фрейлина рассмеялась:

– Тут завзятым юмористам вроде Аверченко или Тэффи делать нечего.

– Борзописец непроходимо туп, – сказал Соколов, – ибо не видит, как под «мудрым руководством» Керенского разваливается еще недавно бывшее могучим государство.

– А может, эта статейка оплачена из казны? – спросила фрейлина.

Соколов ответил:

– Тогда автор откровенный жулик. Этих юмористов, восхваляющих развал государства, понять легко: всю жизнь они усердно раскачивали самодержавную империю. И когда своего добились, разрушили ее, то с бесстыдством уличной девки торгуют журналистским товаром. При этом они постигли нехитрый, но сильно действующий прием: утверждения должны быть самыми примитивными, не подкрепляемыми никакими доказательствами и рассуждениями, и тогда журналистское слово проникнет в самую душу массового читателя. Это правило относится и к ораторам. Без конца повторяемое утверждение врезается в самые глубокие области рассудка, делается уже не чужим, а собственным мнением.

Джунковский прошелся по столовой, с грустной усмешкой сказал:

– Уверен: если автору этого панегирика хорошо заплатить, он своего героя, того же Керенского, измажет грязью, представит отродьем.

Фрейлина вздохнула:

– Но и журналистов понять можно: семья, дети, прислуга, любовница – всех надо кормить и содержать.

Джунковский хмыкнул:

– Хм, в этом случае можно оправдать воров и убийц – им тоже выпить и закусить надо. Статейка подписана каким-то «В. Кирьяковым», но не удивлюсь, что это очередной псевдоним. Почему-то нынче большая мода пошла стыдиться собственных фамилий. Может, автор тот самый Шатуновский-Беспощадный, которому ты, граф, скормил газету – лживый фельетон прямо в глотку засунул? Ну да ладно, не опоздать бы на прием к этому «герою революции» – Керенскому, с обмаранных пеленок возлюбившего ужасно трезвый и донельзя трудолюбивый русский народ. Мне даже любопытно взглянуть на эту замечательную личность.

Вождь российской демократии

Свежевыбритый, подтянутый, в сапогах, начищенных до блеска, генерал Джунковский подкатил к богатому подъезду Морского министерства, которое располагалось в доме номер 2 по Адмиралтейской набережной. Под мышкой он держал пухлую папку с приказами по дивизии – ведь военный министр Керенский наверняка захочет узнать деловую сторону фронтовой жизни.

Входя в подъезд, Джунковский кивнул швейцару, который состоял при дверях еще при государе и теперь, узнав генерала, с радостной улыбкой низко поклонился. Затем поднялся по широкой мраморной лестнице на второй этаж – в приемную.

Тут уже сидели по углам несколько человек, ждавших своей очереди. Завидев бывшего губернатора, все дружно и с любопытством вперили в него взгляды, первыми поздоровались, а некоторые при этом поднялись с кресел.

Навстречу гостю заспешил старший лейтенант Залесский, служивший адъютантом еще при старом министре Григоровиче.

– Рад видеть вас, Владимир Федорович! – широко улыбнулся адъютант. – Александр Федорович уже справлялся о вас...

– Я никогда не опаздываю. Меня просили прибыть к одиннадцати часам, а сейчас еще без пяти минут.

– Я доложу о вас. – Адъютант скрылся за дверями кабинета Керенского и почти сразу появился вновь, официальным тоном провозгласил: – Генерал-лейтенант Джунковский! Министр просит вас пройти...

* * *

За необъятной длины столом расположился столь знакомый по газетным портретам и хроникальным фильмам Керенский. Увидав гостя, Керенский, словно его ударила пружина, соскочил с кресла, обежал стол и устремился к визитеру, протягивая левую, здоровую, руку. Казалось, Керенский жаждет опрокинуть гостя. Каркающим высоким голосом быстро произнес:

– Прекрасно, что вы пришли! Рад настоящему герою!

Правая, больная, рука находилась между средних пуговиц элегантного френча. На длинных цаплеобразных ногах блестели отличной желтой кожей сапоги с крагами.

Керенский перешел на патетический тон:

– Да-с, сударь мой, вы весь пропахли порохом боевых сражений. Я страстно мечтал познакомиться с вами. Знаю: в бою вы отважны, среди друзей – предельно честны. – Понизил голос, словно собрался сообщить нечто секретное. – Я ваш друг! У меня разговор, и очень серьезный, дорогой вы наш, э, Владимир Федорович. Как изрек незабвенный Буало, «героем можно быть и не опустошая землю!». Да-с! Вы герой, который спасает землю Отчизны.

Джунковский остудил столь восторженный порыв:

– Александр Федорович, остроумие – дар Божий, но не надо этим даром злоупотреблять.

Вдруг Керенский застонал, как от зубной боли:

– Простите, я так обрадовался вам, что забыл пригласить сесть. Прошу, вот кресло, сюда, ближе к столу. Коньяк, кофе, чай – что желаете? Я люблю с утра натошак рюмку хорошего коньяка – только самую крошечную. Это сообщает экспрессию мыслям. Советую, попробуйте, будете благодарить. Без чая и кофе я давно не стоял бы на ногах.

– Попробую! – согласился Джунковский.

Керенский, вопреки тому, что его лицо выдавало крайнюю усталость, был полон энергии. Он не останавливался ни на мгновение, то приближаясь на короткую дистанцию, то, словно боксер, отскакивая назад. Керенский близоруко сощурился, поднял руку к потолку и встал в героическую позу. После должной паузы с пафосом произнес:

– Третьего дня я подписал приказ по армии и флоту под номером пятнадцать. Не читали? – Керенский сделал важное лицо. – Вот копия, я позволю вам взять ее с собой. В этом секретном и очень важном приказе, – Керенский уткнулся в текст, – я со всей категоричностью заявляю, э, где-то тут было, вот оно! – ткнул длиннющим перстом: – «Россия взяла на себя задачу объединить демократии всех стран в борьбе против всемирного империализма... Революционная демократия России через международную интернационально-социалистическую конференцию прокладывает путь человечества к всеобщему миру во всем мире и ведет к благоденствию всех трудящихся». – Победоносно взглянул на Джунковского. – Ну как, бьет по нервам?

Джунковский не сдержался, усмехнулся:

– Как говорит мой давний приятель граф Соколов, писал не Тургенев – труба пониже и дым пожиже...

Керенский с недоумением взглянул на собеседника, но ядовитую реплику решил оставить без замечаний. Он перестал махать рукой и вибрировать телом, прошел к столу и с особой важностью опустился в кресло. Спросил:

– Как у вас, генерал, дела на фронте? – Строго погрозил пальцем. – То-олько попрошу не приукрашивать! Да-с!

Джунковский за те краткие минуты, что находился рядом с Керенским, успел устать от него и потому с раздражением отвечал:

– Дела на фронте не то что плохи, а очень, чрезвычайно плохи! И в первую очередь причиной тому – немыслимые приказы из Петрограда. Случаются таковые и за вашей подписью, Александр Федорович. Приказы эти приносят вреда больше, чем вся германская авиация с бросанием бомб и обстрелами из пушек.

Керенский от неожиданности замер, мгновенно побледнел, закусил губу, сухой нос опустил к столу, но вновь промолчал, бросая на Джунковского короткие косые взгляды. Тот продолжил:

– Нами, фронтовыми генералами, нынче руководят профаны, преимущественно бывшие члены Госдумы. Чего стоит печально знаменитый приказ номер один, который установил выбрать во всех частях армии комитеты из нижних чинов и запретил титулование офицеров! Что в голове у того, кто сочинял, – пшенная каша?

Керенский нервно застучал пальцами по крышке стола, отрывисто произнес:

– Приказы следует читать внимательно! Запрещение называть по титулам – это относится исключительно к внеслужебному времени и только для Петроградского гарнизона.

– Офицеры читают внимательно, а солдаты понимают так, как им приятней. Этот приказ был опубликован в газетах, и в окопах его восприняли как сигнал к действию: чинопочитание ослаблено до последнего градуса, и не только в свободное время от службы. Совершенно ясно: тот, кто писал этот приказ, никогда в армии не служил и понятия не имеет о психологии русского солдата. Лучшего подарка Германии сделать нельзя, сам Вильгельм удачнее не придумал бы, а у нас подобные глупости сочинял и подписывал бывший военный министр Гучков. Что за персона? Где он освоил стратегические науки? В учетном банке, где он директорствует? Или в сборище недоумков – Госдуме, где председательствовал?

– Гучкова уже допросили в следственной комиссии. В чем еще вы будете нас обвинять, генерал? – В голосе Керенского звучало раздражение.

Джунковский со спокойной решимостью продолжал:

– В какую мудрую голову влетела мысль о создании в армии общественных комитетов?

– Это веление времени и требование демократии.

– Позвольте называть вещи своими именами: это не веление, а глупость. Я теперь не имею права наложить на своих подчиненных даже выговор. Стоит начальству возбудить какое-либо дело против провинившегося солдата, как на его защиту тут же горой поднимаются комитеты: «Солдата обижать? Своего в обиду не дадим, хватит, офицеры попили нашей рабочей-крестьянской кровушки!» Дошло до того, что в ротах собираются митинги. Сразу же рухнула дисциплина, началось хамское отношение рядовых к офицерам, солдаты сплошь и рядом отказываются выполнять приказы. Нередки случаи избиений офицеров, которые пытались противиться этой вольнице. Неужели до Временного правительства и Военного министерства слухи об этом не доходят?

Керенский пожевал губами, скороговоркой произнес:

– Вы, генерал, в чем-то правы. Распоряжения не всегда были логичны. Теперь вы поняли, почему Гучков смещен с министерского поста? – Почесал за ухом и уперся взглядом в Джунковского. – Если я занял место Гучкова, то лишь потому, что твердо, э, намерен навести в войсках порядок. Да-с! Я только что подготовил приказ по армии и флоту за номером семнадцать. – Протянул две страницы с текстом, отпечатанным на машинке. – Сделайте одолжение, прочтите, генерал, ваше мнение мне очень важно.

Джунковский стал читать вслух:

– «Русская революция и рожденная ею свобода стоят перед грозной опасностью в лице императора Германии и его союзников. Подтверждая мой прежний призыв к защите революции и ответственности всех и каждого за судьбу освобождения Родины, я уже призвал весь командный состав – от главнокомандующего до младшего офицера – быть неизменно на своем посту, под страхом кары. Также ответственность и на всех товарищах солдатах: никто из вас не может и не должен покидать свой пост». – Джунковский поднял глаза на Керенского. – Борьба с дезертирством? Прекрасно, наконец-то дождались! И какое наказание ждет преступников? Расстрел?

Керенский строго сказал:

– Читайте, об этом дальше!

Джунковский вновь углубился в приказ:

– А, нашел! «Лиц, самовольно оставивших ряды войск и не явившихся в свои части до 15 мая сего года, лишить права участия в выборах в Учредительное собрание и в органы местного самоуправления. Предоставить Учредительному собранию право на лишение дезертиров получать землю по грядущей земельной реформе...»

Керенский самодовольно крикнул:

– Как? Ловко я подлецов подцепил?

Джунковский внимательно посмотрел на собеседника: «Шутит он, что ли?» Нет, Керенский азартно хлопнул здоровой ладонью по крышке стола, и весь вид его сиял самодовольством.

Джунковский мягко, словно доктор больному головой, сказал:

– Вы, Александр Федорович, и впрямь думаете, что бежавшего из армии крестьянина взволнует лишение права голоса? Да ему совершенно безразлично, кто войдет в это собрание. Он ни с кем из кандидатов чай не пил. «Свобода» – это свобода воображения тех, кто не жил среди народа, кому народ чужд и неприятен. Вот вам лично, Александр Федорович, нужно Учредительное собрание, поскольку вы уверены, что именно вас это собрание выберет на какую-нибудь важнейшую государственную должность. И вы снова будете принимать новые, никому не нужные решения, подписывать бес полезные приказы, произносить зажигательные речи, которые никого зажигать не будут. Мужiku ничего из этого ассортимента не надо. Чем меньше лезет власть в дела мужика, тем спокойнее тот живет.

Керенский сморщился:

– Критиковать все мастера.

– Вы спросили мое мнение – я отвечаю. Затем, велик ли резон оперировать прошедшей датой – пятнадцатого мая? Приказ в этом случае никак не достигает своей цели, потому что пожелавший вернуться в доблестные ряды защитников Отечества давным-давно опоздал.

Керенский с кислой улыбкой спросил:

– Но мне очень хочется знать: что вы рекомендуете?

Джунковский тоном, полным погребальной безнадежности, произнес:

– Армии нет, армия пропала. Александр Федорович, пока не поздно, надо заключать мир и развозить по деревням эту обезумевшую крестьянскую массу, не забыв при этом отобрать у них оружие. Иначе, привыкнув убивать на фронте, они продолжат убивать в тылу.

Года глухие

Керенский изобразил на лице бесстрашие. Он прикрыл глаза, и правое веко у него явственно дергалось. Изящная кисть левой руки с тщательно обработанными и покрытыми бесцветным лаком ногтями расслабленно лежала на столе, и кончики пальцев слегка дрожали. Слабым голосом возразил:

– Оказывается, вы, генерал, находитесь на одной идеологической платформе с большевиками. Не ожидал!

Джунковский жестко продолжал:

– Почему была устроена чехарда министров, почему к штурвалу государственного корабля пролезли люди, пригодные только для торговли квасом? – После долгой паузы многозначительно добавил: – Я таких ставил бы к стенке, как аферистов и врагов народа, ибо вред от них исключительный. Способности как у лабазника, а замахиваются великим государством командовать. Расстреливать их без жалости, тогда миллионы хороших людей удастся спасти! Попомните: необходимо вновь ввести смертную казнь. Или ее введут те, кто отнимет у вас власть.

Керенский замахал рукой, будто отгонял муху:

– Нет, я демократ, я пригвождаю своих оппонентов к позорному столбу словом, а не веревкой палача. – Устало прикрыл веки. – Еще публицист Писарев сказал: «Слова и иллюзии гибнут, факты остаются!» Я не хочу, чтобы отдаленные потомки называли меня «вешателем». Да-с!

Джунковский невозмутимо произнес:

– Но могут назвать предателем.

Джунковский ждал взрыва, крика, извержения вулкана, ареста, Петропавловской крепости. Но вместо этого Керенский открыл глаза, поскоблил гладко выбритый подбородок и спокойным, даже веселым голосом произнес:

– На днище большого корабля всегда налипает всяческая мерзость. Вижу, вы Россию любите. Мне поэт Александр Блок подарил автограф своего стихотворения «Россия». Почерк у поэта каллиграфический, вдохновенный, как он сам. Желаете послушать? – И, жестикулируя свободной от болезни рукой, хорошо поставленным голосом на память прочитал:

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые –
Как слезы первые любви. –

Замечательно, не правда ли? Это по моей рекомендации Блока привлекли к работе следственной комиссии. Пусть подкормится, ему приличное жалованье положили, на авто домой отвозят, когда судьи не ездят.

– Точно – слезы, – вежливо согласился Джунковский.

– Вообще, я влюблен в поэзию Блока, – с пафосом произнес Керенский. – Блок – это Пушкин наших дней. Послушайте, мой друг, еще четыре строки. – Встал в позу, протянул к люстре руку:

Рожденные в года глухие,
Пути не помним своего,
Мы, дети страшных лет России,
Забывать не в силах ничего. –

Ну как, вдохновенно? – И Керенский снова воздел руку к потолку.

Джунковский подумал: «Меня вызвали из армии, кажется, для того, чтобы я слушал декламацию!» Но подавил гнев, сменил его на хитрость стратега. Мягко произнес:

– Блок – поэт замечательный, но мы немного отвлеклись от главной темы. Солдаты понимают, что вы, Александр Федорович, только что стали военным министром и ничего не могли успеть изменить. Но теперь надо ждать ваших мудрых решений. Так, к примеру, считает известный вам граф Соколов-младший, которого я недавно встретил. Он вообще в восторге от вас.

Керенский с важностью кивнул:

– Да, конечно, у меня как у политика немало, э, поклонников и поклонниц. Но я человек не честолюбивый. Больше меня тревожит то, что сейчас вам, э, героям фронта, очень трудно. Но скоро станет легче. – И он вновь впал в экстаз, заговорил словно в горячечном бреде: – Да-с, очень скоро вам станет намного легче. Не все понимают своих стратегов. Наполеона поначалу тоже не понимали. Над Суворовым смеялись. Я все просчитал! И вопреки мнению скептиков, войну, сударь мой, будем продолжать до полной победы. Я решил играть ва-банк. – Оглянувшись, словно кто-то мог подслушивать, подался туловищем вперед, выбросил вверх руку. – Открою военную тайну. Только обещайте – никому ни-ни!

Джунковский в ответ лишь что-то хмыкнул. Керенский перешел на заговорщицкий тон:

– Я готовлю стремительное наступление на Юго-Западном фронте. В самые ближайшие дни. Уже разработал стратегические планы.

Джунковский не удержался, вставил слово:

– Александр Федорович, извините, но об этом секретном плане уже знают даже трактирные лакеи. Первоначально наступление планировалось начать десятого июня, но...

– Но пришлось перенести на пятнадцатое, – торопливо проговорил Керенский. – Еще не закончили подбрасывать живую силу и технику. Эта дата окончательная и, – помахал перстом, – пересмотру не подлежит.

Джунковский подумал: «Можно представить, чего стоит стратегический план, составленный под эгидой присяжного поверенного!»

Керенский азартно продолжал:

– Именно пятнадцатого, одновременно с артиллерийской подготовкой, с этим салютом нашей победоносной армии я прибуду в Тернополь. Да-с! Я сам приеду воодушевлять солдатшек. Сейчас там сильны позиции некоего капитана... – Керенский отыскал на столе записную книжку, по слогам прочитал: – Дзе-ватовского, большевика и провокатора. Это сообщил мне начальник штаба фронта Духонин. Я должен в присутствии тысяч людей развенчать его фальшивые призывы к позорной капитуляции.

– Да чего там устраивать полемики, – отозвался Джунковский, – судить его как немецкого агитатора.

Керенский теперь слушал внимательно. Он, кажется, неожиданно для самого себя сказал:

– К высшей мере будут приговариваться единицы – лишь за самые тяжчайшие преступления. – Он снова уселся за стол, что-то долго писал на листе бумаги, потом решительно произнес: – В Тернополе я всем покажу, что русский солдат – самый дисциплинированный и горячо любящий своих начальников. Я буду агитировать в Первом гвардейском корпусе. Нужно уметь найти зажигательные слова и произнести их доходчиво. Мы, дети революционных лет России, воспламеним в доблестных сердцах гвардейцев огонь любви к нищему, но бесконечно дорогому Отечеству. И тогда солдатки полюбят Россию так, как люблю ее я. Тэк-с! Славные воины за меня хоть в огонь, хоть в воду! Ибо знают, как я люблю Отчизну. Перефразируя слова Гамлета у могилы, э, Офелии, скажу – вы, разумеется, помните, это из пятого действия. – Он прижал ладонь к груди: – «Я люблю Россию, как сорок тысяч русских ее любить не могут!»

Джунковский вновь едва не приснул смехом. Керенский, заметив его улыбку, взмахнул рукой, снова вышел из-за стола, с азартом крикнул:

– Уверен: мое горячее слово возбудит в народных массах утраченную любовь к свободной демократической России! – И он едва не крикнул «ура!», но под укоряющим взглядом Джунковского смутился, сделал вид, что и не собирался испускать боевой клич. Вдруг заговорщицким тоном сказал: – Генерал, вы должны знать, что сейчас, спустя три месяца после свержения старого строя, Петроград пребывает в состоянии политического неустойчивого равновесия. Грабежи, стачки на многих заводах, аресты неуступчивых фабрикантов бунтарями-рабочими, полное разложение многих частей Петроградского гарнизона, катастрофическая нехватка продовольствия – вот что мы имеем на сегодняшний день.

Джунковский резонно заметил:

– Александр Федорович, наведите порядок!

Керенский вскинулся:

– Вы, генералы, понимаете наведение порядка как пролитие крови. Я категорически против насилия. Мне дорог русский народ. Иное дело – большевики. Они годами и десятилетиями жили за границей. Для них народ – понятие абстрактное, материал для достижения своих амбициозных целей, не более! Как стало известно из агентурных источников, Ленин со своей заговорщицкой партией хочет незаметно подготовить и неожиданно осуществить в Петрограде выступление многих тысяч вооруженных солдат. И какую дату они избрали для выступления? Десятое июня – дата планировавшегося наступления на фронте. Ведь это явная игра на пользу Германии!

Джунковский спросил:

– Разве слабые большевики в состоянии захватить власть?

– Ленин не рискнет сейчас посягнуть на захват, но он делает все возможное, чтобы дестабилизировать обстановку в Петрограде. К счастью, у них в партии полный разлад. Два члена ЦК... – Керенский опять раскрыл записную книжку, – некие Сталин и Стасова, настаивают довести движение до конца, то есть захватить власть, а все Временное правительство перестрелять. Зато две более влиятельные фигуры – Каменев и Зиновьев – высказываются против выступления. – Застонал, как от зубной боли. – Вот уж точно: «Врагов имеет в мире всяк, но у меня их свыше меры!» О боже, что делать?

Джунковский обыденным тоном посоветовал:

– Арестовать весь большевистский ЦК и поставить к стенке.

Керенский замахал рукой, с решительным вдохновением воскликнул:

– Вы опять о своем! Неужели мы свергали царскую деспотию для того, чтобы самим стать палачами народа?

– Лучше строго наказать десяток преступников, чем подвергать кровавым испытаниям целое государство.

Керенский, словно его озарила нежданная мысль, остолбенело воззрился на собеседника, забормотал:

– Может быть, может быть...

Музыка Легара

Джунковский мысленно произнес: «Слава Тебе, Боже! До этого фигляра мои слова, кажется, дошли!»

Керенский вновь прошелся по кабинету туда-сюда, покачал головой:

– Можно быть прекрасным воином, но никудышным политиком. Бисмарк точно сказал: «Политика есть искусство возможного». Да-с!

Джунковский моментально нашелся:

– Тот же Бисмарк, кстати, находясь в России, утверждал: «Политика – это недуг, который надо лечить кровью и железом». Вот вы весьма политичны с Лениным, Троцким и прочими заговорщиками. Но если Ленин и его приспешники сумеют силой отнять у Временного правительства власть, то всех вас, министров, сразу же расстреляют, потому что большевикам надо будет укреплять свою диктатуру.

Керенский вплотную подошел к Джунковскому, наклонил набок голову, произнес трагическим тоном:

– Вы ведь не знаете, что с Лениным мы из одного города – Симбирска? И наверняка не слышали, что мой отец был начальником отца Володи? Пусть в разные годы, но мы учились в одной гимназии. И главное, мистически-загадочное, – многозначительно поднял указательный палец вверх, – мы даже родились в один и тот же день – двадцать второго апреля. И как я могу убить Ульянова? С ранних лет в нашем доме я слышал от родителей эту фамилию – Ульяновы. Лично мне Володя Ульянов симпатичен, но, к сожалению, по натуре своей он интриган и заговорщик. Зато, как большинство полукровок, очень умен. Нет, никогда я не отдам приказа о его расстреле. Не могу и не хочу!

Джунковский усмехнулся:

– Опубликовано в газетах неопровержимые документы: Ленин, Ганецкий, Троцкий и прочие – германские шпионы. Идет война, и если мы не уничтожим внутреннего врага, то он всадит нож в нашу спину. Тем более что большевики заявляют весьма приятную для пролетариев программу: немедленное заключение мира, объявление буржуазии вне закона, то есть провозглашение кровавого террора и разрешение крестьянам захватывать помещичьи земли, а рабочим – фабрики и заводы.

Керенский кисло усмехнулся:

– Все это чепуха, обещать можно что угодно.

– А простые люди, преимущественно из тех, что ненавидят труд, как таковой, очень любят химерические обещания.

– Вы, Владимир Федорович, прекрасно оппонируете, могли бы стать великолепным оратором.

Джунковский, призвав на помощь все свои актерские возможности, прижал руку к груди и с пафосом воскликнул:

– Дело не во мне – генералов много, а вот Керенский у нас один. Дорогой Александр Федорович, ведь вы падете первой жертвой этих головорезов. Россия, слез не утирая, станет вечно скорбеть о вас...

Керенский слушал внимательно, затем печально закрыл веки, прислонил к ним носовой платок. Потом он принял вид, полный глубокомыслия. Несколько раз, словно что-то серьезно обдумывая, прошелся по кабинету, поглаживая ладонью подбородок. Остановился возле Джунковского, резанул рукой воздух и с торжественным пафосом произнес:

– В ваших словах, генерал, есть много сермяжной правды. Что касается смертной казни, то вы меня убедили, я вновь ее введу – на пользу революции. – Протянул руку: – Спасибо, что посетили меня!

Джунковский мысленно перекрестился: «Дошло до сознания этого остолопа, слава богу!» И еще, все время разговора помнил о просьбе графа Соколова. Уже стоя в дверях, сказал:

– Александр Федорович, вы наверняка слышали о подвигах Аполлинария Соколова?

– И что он хочет? – Керенский нетерпеливо дергал ногой, бросал взгляды на каминные часы и на дверь, давая понять, что аудиенция закончена. – На передовую? Такие люди там нужны. Пусть рапорт на мое имя напишет, я его направлю в распоряжение штаба Юго-Западного фронта.

– Пока его желание скромнее.

– Уточните! – Керенский был явно недоволен затянувшимся разговором.

– Согласно воинскому уставу, граф Соколов обязан о проведенной операции по потоплению германской субмарины «Стальная акула» доложить командиру, который отдавал ему приказ.

– Пусть докладывает, разрешаю!

– Дело в том, что этот приказ отдавал... государь Николай Александрович. Соколов хотел бы увидеть царя...

– Бывшего царя, – поправил Керенский и, окончательно раздражаясь, выпалил: – Полковник Романов теперь никакого отношения к войне не имеет. Нынче он частный человек. Не разрешаю! Это блажь! Я только что встречался с Романовым, предложил переправить его в Англию. И что вы думаете? Он желает оставаться здесь, как бельмо на глазу. Это легкомысленный и пустой человек. И пусть вашего Соколова совесть не угрызает. Если пожелает, может доложить в нашем министерстве полковнику Штейнбаху. Желаю вам, генерал, новых славных побед во имя демократии и расцвета великой России! – Протянул для прощания сухую ладонь. – И запомните: настоящее России ужасно, но есть человек, готовый взять на себя всю ответственность за ее будущее.

Джунковский, напустив на себя притворную серьезность, воскликнул:

– Этот человек передо мной!

– Совершенно верно! Наступают решительные дни, ибо Россия на краю зияющей пропасти!

Джунковский направился к выходу. Папка с фронтовыми документами не понадобилась – военно-морскому министру они оказались неинтересны.

Вдруг за спиной Джунковский услышал мотивчик из «Веселой вдовы» Легара. Его насвистывал Керенский.

* * *

Вернувшись домой, Джунковский тщательно вымыл руки.

Сестра Евдокия сказала:

– Аполлинарий Николаевич обещал вернуться только к ужину. Как бы не вымок, тучи во все небо, на дворе потемнело, хоть свечу зажигай. А он ведь даже без экипажа...

Джунковский улыбнулся:

– Наш граф и не такие грозы видал! Ничего плохого с ним не случится.

Огненная страсть

Соколову не терпелось увидеть старых друзей. И в первую очередь очаровательную разбойницу, секретного агента Веру фон Лауниц.

Справочное бюро в Петрограде еще действовало. Барышня запросила десять копеек и, вопреки ожиданиям, через три минуты в окошечко протянула синий листок. Соколов прочитал: «Ул. Гоголя (бывшая Малая Морская), 11, дом Эллы Ник. Штоль». Соколов поцеловал бумажку, на радостях протянул барышне рубль и сказал:

– Сдачи не надо! Заодно отыщите, пожалуйста, адрес Рошковского Виктора Михайловича.

И вновь он получил синий бланк: «Профессор Рошковский, Таврическая ул., 25, дом Елизаветы Долматовой».

Это был адрес старого приятеля, ходившего в боевые походы на миноносце «Стремительный», бывшего доктора государя.

Гений сыска задумался: куда идти сначала? Решил: «Начну с десерта, а слаще любимой женщины нет ничего на свете!» Оглушительно в два пальца свистнул, так что с испугом шарахнулись прохожие, и с угла улицы стрелой подлетел лихач.

– Гони, паразит, на Гоголя!

...Около большого дома стоял «мерседес-бенц». Шофер в новой кожаной куртке загружал в багажник два громадных чемодана. Рядом, спиной к подъехавшему Соколову, стояла изящная дама в дорожном костюме и небольшой шляпке, украшенной по моде павлиньими перьями.

Что-то екнуло в сердце. Дама чуть повернула лицо. Соколов узнал: «Вера!»

Он мягкими тигриными шагами подошел со спины и сказал в затылок:

– Вас, сударыня, поцеловать можно?

Вера резко обернулась, на мгновение замерла и с радостным криком бросилась ему на плечи:

– Милый! Ты где так долго был?

Соколов у всех на глазах целовал ее мокрое лицо, а она сквозь рыдания бормотала:

– Я совсем зажала... Из-за тебя, жестокий, я сидела в этом ужасном Питере. – И, несколько успокоившись, отстранилась, блестящими, как черная смородина после дождя, глазами, полными любви, посмотрела на него: – А я на Финляндский вокзал, у меня поезд...

– Как скоро?

– Почти через час. – Отчаянно махнула рукой. – Да пропадай все пропадом! Идем ко мне... – Шоферу: – Жди здесь, не отходи от авто – чемодан сопроводит.

* * *

...Она лихорадочно расстегивала пуговицы и приговаривала:

– Какое счастье, какое счастье! Мне кажется, что это сон. Аполлинарий, неужели это ты? – И толкнула его на громадную, красного дерева кровать и сплелась с ним, слилась в единое существо, обомлела в неземном наслаждении, расплавилась в огненной страсти. Его умиляла и возбуждала ее искренняя любовь, ее глаза, сиявшие безумной любовью.

...А потом, млея от любовной истомы, крепко прижимаясь телом с коротко подстриженными волосиками на лобке, дышала в ухо:

– Я нарочно приехала из Берлина в Питер – так неодолимо тянуло к тебе. Тут из газет узнала, что ты в одиночку потопил немецкую субмарину. Как тебе удалось? – Она округлила глаза, глядела на Соколова с ужасом. – И о гибели твоей семьи – сына, отца и супруги Мари –

тоже узнала из газет. И я ждала, ждала, а тебя нет и нет! Два раза приходила к тебе домой, приказала старому слуге Семену, чтобы он сообщил обо мне, если ты, мое солнышко, приедешь, номер своего телефона оставляла... – Жарко задышала в ухо. – А начальство требует: вези в Берлин дезу, перед наступлением на Юго-Западном фронте надо успеть германцев с толку сбить. Вот через Финляндию и Швецию буду пробираться домой, в Берлин. Через три дня должна быть со своим фон Лауницем.

...На вокзал они поспели за минуту до отхода поезда.

Поезд, шипя, разводил пары, он был готов двинуться в путь. Международный вагон, элегантно обшитый желтого цвета деревянными лакированными полосами, выделялся из всего мрачно-зеленого состава. Соколов вошел в узкий коридор, застеленный бордовым ковром. Они не успели дойти до купе, как гулко и ожидаемо раздался третий удар колокола.

Вера с громким плачем прильнула к нему. Сотрясаясь всем телом, по-бабьи запричитала:

– Возьми меня в жены, я буду хорошей, я буду любить... только тебя!

Кондуктор озабоченно сказал:

– Господин, вы не успеете выйти!

Поезд уже набрал ход. Платформа кончилась, и Соколов, рискуя сломать шею, прыгнул между шпал, едва не налетев с размаху на стрелку. В ушах у него стояло отчаянно-нежное: «Буду любить!...» Он возвращался к зданию вокзала, перешагивая через шпалы, и с недоуменной усмешкой размышлял: «У этой Веры, казалось бы, такое богатое и разнообразное прошлое, что серьезно относиться к ней нельзя... Но сердце логики не приемлет, любит не того, кто хорош, а того, кто ему мил. Я буду скучать о ней. Свидимся ли? Один Бог ведает...»

* * *

Гений сыска отправился на Таврическую.

У роскошного дома под номером 25 дворник оказался на привычном месте – с метлой возле парадного подъезда. И если по всему Петрограду в глаза бил главный признак революции – грязь, мусор, семечная шелуха, то здесь было чисто, как в мирное самодержавное время.

Впрочем, демократические перемены дошли и до этого богатого дома: чья-то недрогнувшая рука нацарапала по лакированному дубу резных дверей краткое и непристойное выражение, столь часто звучащее в среде каторжников и революционеров.

Тут же был еще один признак революции – у бакалейной лавки напротив подъезда вытянулась громадная терпеливая очередь.

В парадном подъезде дежурила консьержка, и чисто вымытый зеркальный лифт поднял могучее тело Соколова на пятый этаж.

На дверях висела эмалированная табличка: «Кв. № 13» – и чуть ниже на золоченой бронзе гравировка: «Профессор В.М. Рошковский».

Соколов крутанул ручку бронзового звонка. И почти тут же дверь распахнулась, и взору гения сыска предстал высокий, прямо держащийся мужчина лет тридцати пяти. На нем были лишь пижамные брюки, зато оголенный торс напоминал античную статую: рельефные мышцы, великолепные пропорции тела.

Увидав приятеля, Рошковский опешил от неожиданности. Он хотел что-то сказать, да губы лишь затряслись, издав нечто невнятное, а потом бросился в объятия Соколова:

– Аполлинарий Николаевич, какими судьбами? Вот это счастье! То-то всю ночь мне снилось, что я по темному ночному небу летаю, даже над золотым крестом богатой церкви пролетел. Все думал: к чему столь замечательный сон?

Соколов весело отвечал:

– Как говорят гадалки – к новым хлопотам, – и признался: – У меня, Виктор Михайлович, летать – всегда к удаче и радости. Может, в твой дворец войдем?

Рошковский спохватился:

– Конечно, конечно! Я так растерялся, что ж на лестнице стоим? Я отпустил на сегодня горничную, она уехала в Токсово к родственникам. Сейчас сами завтрак приготовим. А ты, Аполлинарий Николаевич, молодец: по-прежнему бодр, красив, только в глазах застыла печаль. Да, я слышал о гибели твоей семьи. Прими искренние сочувствия, я разделяю твою боль.

Соколов спросил:

– Как ты, Виктор Михайлович, устроился?

– Да вот открыл на Морской стоматологическую клинику. У нас штат большой – почти двадцать человек докторов и обслуживающего персонала. Цены на обслуживание назначили высокие, но от богатых пациентов нет отбоя. Впрочем, и бедных порой лечим – бесплатно.

– Почему у тебя на щеке ссадина?

– Да вчера моциону и азарта ради гонял по Невскому проспекту на велосипеде, налетел на какую-то коляску (или она на меня?), упал, расквасил лицо. Теперь не появлюсь на службе, пока ссадина не пройдет. Иногда люблю с ветерком прокатиться на авто – обзавелся «бенцем», сам сижу за рулем. Да вот что-то карбюратор забарахлил...

– Назову три причины неисправностей. Засорился пульверизатор, в бензин попала вода или бензиновая камера переполнена.

Рошковский удивился:

– Поразительно, откуда ты, Аполлинарий Николаевич, во всем разбираешься? Теперь свою технику быстро приведу в порядок, и вместе покатаемся по городу и окрестностям.

– Не откажусь!

Рошковский принес из холодильного шкафа сыры, икру, масло. Соколов предложил:

– Давай, Витя, как прежде – первый тост за здоровье государя императора.

Выпили стоя и до дна.

...Поговорив с час, Соколов стал прощаться и обещал скоро позвонить Рошковскому.

Верный Семен

Соколов вновь отправился в экспедицию – в отцовский дом на Садовой. На этот раз его душу не сотрясали романтические переживания, а цель он преследовал корыстную: решил постепенно вынести всю сотню припрятанных бутылок коллекционного вина. Причем сделать это следовало осторожно, не вызывая подозрений новых обитателей дома.

Как известно, еще ни одна революция с трезвых глаз не случилась. Для партийной убежденности ее деятели в зависимости от ранга пьют всё – от тонких вин до сивухи.

Операция по выемке алкоголя проходила успешно. На этот раз Соколов незаметно проскользнул черным ходом. Невзирая на теплую погоду, намеренно явился в шинели, благо человек в шинели стал фигурой привычной. Карманы вместили полдюжины бутылок, еще столько же гений сыска спрятал в плетеную корзину – на дно, а сверху прикрыл каким-то тряпьем.

Старый Семен при виде барина от полноты чувств прослезился, поцеловал ему руку, просил:

– Батюшка, Аполлинарий Николаевич, Христом Богом заклинаю, вынеси из подвала все, что для тебя припрятал. Не дай бог этим разбойникам достанется.

Соколов шутливо отвечал:

– Рад стараться, ваше благородие! – и обнял Семена. – Все сам выпью и друзьям налью, и с тобой мы дружбу отметим.

– Неплохо бы. – Семен мечтательно завел глаза. – Я никогда такого вина в рот не брал. Все чаще перцовки от простуды иль водочки для апетикта. Неужели по сорок рублей каждая бутылка стоит? Поразительно, да и только! На сорок рублей месяц можно было жить в ус не дую.

Гений сыска решил зайти в «Вену», где уже не был несколько месяцев и где в старые, милые сердцу времена приятно проводил время с Джунковским, Шаляпиным, Горьким, Буниным... Он рассуждал: «Пообедаю, а заодно, глядишь, встречу кого-нибудь из добрых знакомцев. Все вино, что в корзине, выпьем, то-то радости всем будет!»

Но когда он завернул за угол улицы Гоголя и Гороховой, то увидел разбитые витрины. На входе висело откровенное объявление: «Сегодня ресторан закрыт из-за бандитского налета. Милости просим приходить завтра».

Соколов вздохнул и в очередной раз ругнул революционные перемены.

Мистическое место

Солнечная погода, как часто бывает в Петрограде, в одночасье сменилась ненастьем. С моря вдруг порывами задул могучий ветер, пригибая молодые деревца, срывая листья, ломая толстые ветви, начисто сметая с асфальта семечную шелуху, обрывки газет, воззваний и приказов – всю мерзость жизнедеятельности революционного города.

Мгновение – и ветер стих, уступая место необъятной сизой туче, тяжело приползшей с Финского залива. Людей тоже как ветром сдуло, а те, кто еще не укрылся, торопились со всех ног.

Сплошной стеной хлынул водяной потоп, пахнувший чем-то удивительно свежим, похожим на запах разрезанного арбуза. По булыжной мостовой понесся, пенясь и пузырясь, водяной поток. Рубиново полоснула молния, на краткое мгновение соединив небо и землю. Прямо над головой раздался страшный сухой треск, и раскатистый звук удара заметался между тесно стоящих домов.

Соколов встал под козырек роскошного, с богатой лепниной особняка на Гороховой улице, что под номером 64. Вдруг вспомнил: «Ведь тут Григорий Распутин совсем недавно жил! Бывал много раз в его квартире под номером 20: обильные застолья, душевные беседы – открытый и необыкновенный человек он был! Пытался я спасти Гришу, но судьба, видать, сильнее нас, по-своему распоряжается. Как верно Гриша предсказал: «Пока я жив, волоска не упадет с головы наследника, не станет меня – все прахом пойдет». Вот не стало Гриши, все рухнуло, пошло прахом. Интересно, кто сейчас живет в его квартире? Дочери? Господи, как чудили мы! До войны словно на двадцать лет моложе были! Однажды с Гришей пили семирублевое шампанское, а закусывали огурцами, ибо другой закуски у него в доме не было. Здесь я познакомился с Верой фон Лауниц...»

Мимо, вызывая фонтаны брызг, гремели трамваи, шуршали дутыми резиновыми шинами легкие коляски, фыркая сизым газом, пронесся автомобиль, тяжело гремели по мокрым булыжникам металлические ободы тяжело груженных телег. Пешеходы, не спрятавшиеся от дождя, с опасностью поскользнуться перебежали улицы, отважно перепрыгивая через глубокие лужи.

Дергая мокрыми ременными вожжами, погоняя пару и без того резвых лошадей, пронеслась с поднятым верхом коляска лихача. Прокатив еще саженой пятнадцать, коляска притормозила, извозчик взял влево, описал круг и теперь остановился рядом с Соколовым. Знакомое усатое лицо Горького выглянуло из-под кожаного возка. Глуховатый голос весело проокал:

– Почто тут киснет муж вида атлетического? Неужто под сим козырьком от водяных струй оберегается бесстрашный Соколов? А слух был, что он ничего не боится. Если разобратся, все чего-нибудь да бояться. Садитесь, граф, ко мне в кибитку. Авто мое сломалось, так вот допотопным образом передвигаюсь.

Соколов вспрыгнул в коляску, и она под тяжестью тела осела, заходила на рессорах. Улыбнулся:

– Алексей Максимович, истинно говорю: вам везет! Моя корзина наполнена бутылками чудных вин: «Шато д'Икем» урожая девятисотого года, «Шато Лафит-Ротшильд» 1875 года и нечто невероятное – бутылочка излюбленного вами «Шато Марго» грандиозного 1865 года. Каково?

Горький был одет в дорогой, английского пошива костюм. Зеленые глаза скользили по собеседнику, надолго на деталях не задерживаясь. Он откашлялся, прогудел:

– Такого не может быть! Толпы разбушевавшихся скотов, которых газетчики лживо именуют революционным народом, а я называю бандитским сбродом, две недели только тем и

занимались, что грабили винные погреба Петрограда. Напившись, били друг друга по башкам и, свиньям уподобляясь, валялись в крови и грязи. Вина, увы, больше не осталось.

– Осталось – в этом саквояже.

– Хм! Однако вы сказали: «Марго» шестьдесят пятого года?

– Это был изумительный для виноделия год.

– Все-таки невероятно! Этой роскоши нынче не существует в природе вещей. Хочу своими глазами убедиться, покажите! О, вижу, вон какое дело... И что вы, граф, предлагаете с этим невероятным добром делать?

– Выпить вместе с вами, Алексей Максимович!

– Хорошая мысль, добрая – совокупно посидеть за столом. Выпивка во благовремени расширяет и углубляет душу – вместилище впечатлений бытия. Приглашаю ко мне домой! В один миг заботливые женщины стол обильный накроют...

– Меня Джунковский ждет. Так что едем к нему.

– Джунковский? Но газеты пишут, что он на фронте!

– На несколько дней вызван сюда Чрезвычайной следственной комиссией.

– Любопытно, однако! Но прилично ли мне без приглашения?

– Алексей Максимович, я вас приглашаю, а с генералом мы друзья. Ему приятно будет вас видеть.

– Не шутите? Не опозорюсь ли?

– Серьезно говорю – обрадуется.

Горький задумчиво поскреб длинными пальцами морщинистую щеку, решил:

– Коли такое дело... Он где живет?

– Загородный проспект, дом три.

– Это в Московской части. Эй, Федор, уснул? Погоняй животных! Мы прошлый раз, помните, года два назад, собравшись в «Вене», жарко спорили. Но не доспорили.

Соколов подвел черту:

– Сегодня и продолжим давние разговоры.

Душевный разговор

Коляска, словно наматывая воду на спицы, стремительно продолжила путь по затопленной мостовой. Дождь хлестал как из ведра, вздувая в лужах большие пузыри.

Горький, чуть покачиваясь в такт движению, убежденно говорил:

– Русский человек, если он окончательно не пропащий, выпивает только для того, чтобы откровенно поговорить, душу свою распахнуть, вывернуть наизнанку.

– Или для того, чтобы набить морду ближнему.

– Вот-вот! У нас любят бить морду. У русских это в самой натуре – ненависть к ближнему, особенно если этот ближний силен и богат. Вот почему сильные и богатые не живучи у нас. Любимый герой русской жизни и литературы – несчастенький и жалкий неудачник. Все любят Акакия Акакиевича, потому что ему завидовать нельзя. Народ любит арестантов, когда их гонят в кандалах на каторгу. И со свирепым удовольствием помогает надеть халат арестанта сильному человеку своей среды. А сколько красных петухов озарили страшные и темные углы России – это жгли и будут жечь предприимчивых, трезвых и богатых, вышедших из крестьянской среды.

Соколов ничего не ответил, лишь подумал: «Нам народ не переменить!»

Горький спросил:

– Это правда, что вы в одиночку германскую подводную лодку потопили?

– Потопил, но не в одиночку. Для этой диверсии меня целая группа специалистов готовила.

– Сделайте одолжение, расскажите, как это было! Должно быть, очень опасное дело...

Соколов вкратце поведал историю взрыва на «Стальной акуле».

Горький восхитился:

– Удивительно, на какие геройские поступки способен русский человек! А что, Джунковский ведь тоже вернулся с передовой? Вот есть о чем расспросить. Да и про вас легенды давно слагают. Но у нас газетчики ох как горазды врать. Одно слово – бессовестный народ. Ему гонорар не плати, но дай что-нибудь этакое вернуть, чтобы публика ахнула, обомлела. Все ошарашены, а он, подлец, ходит, ухмыляется, мол, ловко я всех обдурил! Порой, право, не разберешь, что врут, а что правду пишут. Про меня какие гадости только не сочиняли! Недавно одна паршивая газетенка напечатала, что я будто бы избил Ольгу Книппер-Чехову и хотел ее изнасиловать. Каково, пятидесятилетнюю женщину? И чтобы судебного иска избежать, оговариваются: «Как нам стало известно из непроверенного источника... Мы хотя и сомневаемся, но доводим до сведения почтенной публики». Истинно остолопы и прохиндеи!

Соколов сказал:

– Сегодня утром Владимир Федорович был у Керенского.

Горький оживился:

– Вот оно что? – Внимательно посмотрел на Соколова, пожевал рыжеватый ус, выплюнул его и покачал головой: – Видать, у Керенского совсем плохие дела, что начал советоваться с боевыми генералами. Поначалу ходил гоголем, ни с кем не советовался, считал, что сам ужасно умный.

Коляска, влекомая быстрыми и сильными лошадьми, неслась стремительно, влетая порой в лужи и выбивая на тротуар фонтаны брызг. Горький с недовольством ткнул лихача в спину:

– Идол, зачем людей грязью обливаешь? Хотя они и пешеходы, однако всякого человека уважать надо! – Повернулся к Соколову: – Граф, доложу собственное мнение: Керенский не случайно пригласил именно Джунковского. Интереснейший, понимаете ли, он человек, Джунковский. За все берется добросовестно: губернией управлять, музеи открывать, жуликов ловить, германцев воевать. На фоне российской беспечности и расхлябанности – замечатель-

ное явление, редкое. Русский человек в массе своей ленив и бестолков, но именно на Русской земле рождается много людей, талантом отмеченных, необычных. Поверьте мне, я давно этот феномен наблюдаю. – Улыбнулся. – А вы, граф, к какой категории людей себя относите?

– К любителям хорошего вина!

– Прекрасное дело вино, – одобрил Горький. – Но красивые женщины еще лучше. Любовь помогает проникать в тайны жизни.

...Коляска остановилась у дома Джунковского.

Знаменитый гость

Завидя Горького, хозяева обрадовались:

– Вот это приятный сюрприз!

Соколов передал Джунковскому бутылки:

– Осторожно, не взбалтывать! – С любопытством спросил: – Ну, как Керенский? Кого нынче он изображал?

– Одетого с иголки актёра, который исполняет главную роль в водевиле, причем слова актер не успел выучить и по этой причине постоянно несет ахинею. Керенский спрашивает меня: «О чем вас допрашивали в комиссии?» Отвечаю: «Много вопросов было и почти все бес-толковые. Вряд ли стоило из-за этой ерунды боевую дивизию на произвол судьбы бросать...» Керенский обиделся за комиссию. Он был одним из главных создателей ее и продолжает считать эти допросы важным делом. Жаждет найти виновных в развале России и предать суду.

Горький усмехнулся, поплевал на пальцы, подкрутил усы, пророческим тоном произнес:

– О себе он не подумал? Вот, с себя мог бы смело начать! Долго ему на троне не сидеть – это дело очевидное. Отправят его в Сибирь, и он будет повторять известную поговорку каторжников: «Дальше едешь, тише будешь!»

Заметив интерес к своим словам, Горький продолжил:

– Впрочем, коли ссылать, то надо многих. Еду вчера в издательство к Зиновию Гржебину, вскакивает на подножку коляски оборванный мальчишка, сует мне открытки: «Дяденька, купите Распутина со своими распутницами, коней крал – в царский дворец попал». Я эти открытки и кучу грязных брошюр видел уже в первые дни революции. Какие-то бесстыдники выбросили в продажу отвратительные фотографии и брошюры на темы «из придворной жизни». Речь идет о «тайных историях», разумеется неприличных, герои которых царица Аликс, «Распутный Гришка», Вырубова и другие придворные фигуры. Толпа любит все превосходительное, царское. Вот почему эти болезненные и садические измышления имеют хороший сбыт на рабочих окраинах и на шумном Невском проспекте. Эта духовная грязь особенно вредна, особенно прилипчива именно теперь, когда в людях возбуждены все темные инстинкты. Авторы и издатели этой мерзости надо без жалости, ради общего блага, отправлять в Сибирь. И вообще, нынче стало скучно, как в духовной консистории. Владимир Федорович, вы что-то начали говорить о Керенском?

Джунковский глубоко вздохнул:

– Керенский произвел на меня впечатление человека легкомысленного, очень переутомленного и подавленного. У него за словами нет содержания. Никакой искры в нем я тоже не заметил, разве что увлечение стихами Блока и энергичное размахивание рукой. Передо мной было просто ничтожество, у которого пороха больше не осталось. Все, что он говорил о войсках, о наступлении, – глупость, он ничего во всем этом не смыслит.

Соколов спросил:

– А когда все-таки начнется массированное наступление на Западном фронте?

Джунковский прищурился:

– Военную тайну хочешь выведать? Скажу точно: не знаю! Знает только правая нога при-скажного поверенного Керенского. – Перешел на серьезный тон. – Вам, моим друзьям, наверняка любопытно хотя бы в общих чертах знать обстановку?

Горький отозвался:

– Признаюсь, очень любопытно!

– Тогда, господа, прошу следовать за мной. – Джунковский подошел к карте, которую успел повесить на стене, отдернул марлевую занавеску и привычным движением взял указку.

Горький с интересом разглядывал красные и синие линии, разноцветные флажки, которыми была утыкана карта.

Джунковский сказал:

– После отречения государя от власти и нашей мартовской неудачи на берегах Стохода – это в Белоруссии, вот здесь, западнее Припятских болот, – военные действия практически прекратились. Немецкие резервы и многие дивизии с русского и румынского фронтов стали широким потоком переливаться на западноевропейский театр войны. Смотрите вот сюда и сюда! Создавалось впечатление: пользуясь деморализацией и полным ослаблением русской армии, противник намерен нанести нашим союзникам ряд тяжелых и смелых ударов. Но вопреки этим ожиданиям, германский Генеральный штаб широкой активности на франко-бельгийском фронте проявить не сумел. Германская армия стянула всю свою массу резервов между Ламаншем и рекой Энн – здесь и здесь! – и замерла в нерешительности.

Горькому эта лекция очень нравилась. Он сидел, опершись подбородком на руки, и внимательно слушал. Поинтересовался:

– Может, за этой бездеятельностью скрывается хитроумный наступательный план фельд-маршала Гинденбурга?

– Сомнительно! Причина, видимо, в другом. Как доносит военная разведка и агентура, как показывают военнопленные и перебежчики, немцы просто-напросто пухнут с голоду. Ни продовольствия, ни обмундирования в достатке нет, как, впрочем, нет боеприпасов. Тут не до наступления, тут лишь бы позиции сохранить.

Соколов усмехнулся:

– Так что, французы и бельгийцы не желают брать пример с наших солдат и подкармливать немцев хлебом?

– Именно так! Но кроме бедности продовольствием, есть еще более важная причина ослабления германцев: солдаты Гинденбурга устали от войны. Любимым афоризмом немцев стал: «Голод – враг патриотизма!» Нажима с нашей стороны враг не выдержит. Но народу и армии нужен вождь, с именем которого они готовы идти на смерть. А фигура Керенского не героическая, а комическая...

Горький грустно качнул головой:

– Он истеричен, нервен, криклив. Это гоже, когда разрушать надо. А теперь время иное. Теперь повсюду истерика и вопли, вот болезненный пафос Керенского и не годится. Так что России от этого человека ждать хорошего не приходится.

Джунковский согласился:

– Я ушел от Керенского с очень неприятным чувством: Россию мы потеряли – и пожалел, что вообще ходил к этому фигляру.

Горький энергично почесал волосатую ноздрю, сплюнул в большой цветастый платок и с каким-то ожесточением произнес:

– Революцию делают все, и в первую очередь такие, как Керенский, которые себе пуговицу к ширинке пришить не умеют. Идет по Невскому мужичок, вида приличного, в кепке блином и штиблеты ваксой натерты. В руках плакатик, все норовит с этакой гордостью повыше над головой задрать: «Да здравствует революция!» Нацарапано старательно, и всего лишь одна грамматическая ошибка. Спрашиваю: «Ну, господин хороший, сделаете революцию, и чем вы заниматься будете?» Мужичок прямо опешил от неожиданного вопроса, сразу видно – ни разу себе его не ставил. Все же отвечает: «Как – чем? Я лудильщик, у меня клиент постоянный, потому как уважают. После революции буду лудить, только двух-трех помощников бы взять – заказов много». Вы поняли? Революция ему нужна, чтобы больше кастрюль лудить! И так почти каждому, идущему с толпой. Истинно народная свобода – блеф, народу не свобода нужна – мечта, сладкая, приятная, с которой он будет вечером засыпать, а утром просыпаться. Народ живет мечтой. Дайте ему мечту – и он за вами пойдет хоть на край света.

Соколов повернул голову к Джунковскому:

– А как моя просьба – посетить государя?

Джунковский глубоко вздохнул:

– Керенский нашел ее неуместной.

– Этого надо было ждать.

– Керенский не слушал моих доводов. Он вообще не умеет слушать. Он, как настоящий актер, предпочитает сам говорить, говорить...

Соколов не выглядел раздосадованным.

– Я давно заметил: глупый от умного тем отличается, что не умеет слушать. И я на разрешение Керенского не шибко рассчитывал. Надо что-то другое придумать.

Горький согласно кивнул:

– Можно полюбопытствовать, о чем вы, Владимир Федорович, просили Керенского?

Джунковский замялся, решил перевести разговор на другую тему:

– Керенский легкостью мыслей напомнил мне бессмертного Ивана Александровича Хлестокова...

Счастливая мысль

Соколов вдруг интуитивно понял: Горький как раз тот, кто может содействовать его замыслу. И он прямо сказал:

– Алексей Максимович! Мне хочется встретиться с государем. Мне нужен к нему пропуск.

– Однако! – Горький покачал головой. Ему было приятно, что такой бесстрашный и искусный в боевых делах человек, как Соколов, обращается за помощью к нему, глубоко штатскому. Горький ничего больше не сказал, лишь пил большими глотками вино. На столе уже стояли пустые бутылки.

* * *

Застолье продолжалось. Горький с аппетитом ел и жадно пил вино. Вдруг он остановил взгляд зеленых зорких глаз на Соколове:

– У меня родилась идея. Она как раз подходит под ваш характер, который словно создан для авантюрных и опасных приключений. Я постараюсь вам помочь. Но это случится только в том случае, если вы мне обещаете не причинять вреда ни государю, ни его близким. Я не монархист, тем более я не поклонник Николая Александровича. Но я не желаю над ним насилия, а многие, в том числе Керенский, нынче твердят о необходимости суда над бывшим царем.

Соколов положил руку на сердце:

– Обещаю, Алексей Максимович, – я не буду действовать во вред государю и его семье.

– Думаю, вам поможет полковник Александр Дмитриевич Носов.

– Начальник фельдъегерского корпуса?

Горький раскурил папиросу, и ароматный дым поплыл по гостиной. Он с усмешкой произнес:

– Носов был начальником корпуса много лет. Вчера приехал ко мне, лица на нем нет, почернел от горя. Спрашиваю: «Что произошло?» Отвечает: «Керенский только что освободил меня от должности и сразу же вручил предписание: явиться в штаб Юго-Западного фронта не позже пятнадцатого июня». Носов стал просить заступничества, да я с Керенским не общаюсь.

– И за какие провинности? – спросил Соколов.

– Причина банальна: Носов недоволен новыми порядками. И он имел неосторожность высказать недовольствие Керенскому. Это и стало причиной отправки Носова на фронт. Так вы, граф, знакомы с этим героем?

– Едва-едва, только шапочно.

– Но о ваших подвигах он наверняка слышал. Носов очень раздосадован, считает себя оскорбленным.

– А я при чем?

– Фельдъегери народ вездесущий, повсюду проход имеющий. Догадались, граф?

Соколов задумался, потом воскликнул:

– Замечательная идея, если... если Носов захочет и сможет помочь. Впрочем, от него многого не надо: фельдъегерскую форму на мой рост, фирменный пакет для писем и пропуск на бланке.

Горький вновь задумчиво почесал ноздрю, с расстановкой произнес:

– Думаю, если я попрошу Носова – дело выгорит. Тут понятно – Носов разъярен. Ему терять нечего – впереди окопы и вражеские пули. Он с радостью насолит нынешним правителям. Я нынче же позвоню домой Носову на Фонтанку и попрошу приехать ко мне, все объясню. Вы, Аполлинарий Николаевич, где остановились?

– Пока у Владимира Федоровича.

– Оставьте мне номер вашего телефона, и я сегодня же извещу вас.

Джунковский посоветовал:

– Алексей Максимович, не рекомендую по телефону говорить лишнее. Бывший «черный кабинет», прежде занимавшийся исключительно перлюстрацией писем, в военное время распространил свои интересы и на телефонную станцию.

Горький согласно кивнул:

– Хорошо, буду соблюдать конспирацию. – Добродушно засмеялся. – Кого-кого, но непременно слушают Горького! Спасибо вам за столь изумительное вино, от которого душа поет.

Сев в коляску, он задержал руку Соколова и с какой-то печальной интонацией произнес:

– «Русский народ – народ великий...» С этим можно соглашаться или спорить, но что толпа безумна и опасна – факт очевидный, а подлец-человек способен на любую мерзость.

Алексей Максимович стремительно укатил прочь.

Джунковский хитро подмигнул Соколову:

– Если «властитель дум» серьезно возьмется помочь, то дело удастся, Горький – человек громадного влияния. Но в случае провала...

– Что будет в случае провала? Меня отправят на фронт? Вот это меня несколько не страшит... – Соколов бросился к Джунковскому, оторвал его от земли и закружил, только генеральские ноги летали по воздуху. Наконец поставил на землю и весело произнес: – Пойдем в дом, Владимир Федорович, выпьем за благополучное избавление царской семьи от позорного заточения. Ура!

Джунковский остудил пыл гения сыска:

– «Ура» будем кричать, когда царственные узники окажутся в Германии или лучше в Англии. А теперь следует серьезно обдумать наше дело...

* * *

Часа полтора стратеги обсуждали различные варианты смелого плана, но, не зная деталей содержания царской семьи, они шли как бы на ощупь.

Наконец Джунковский сказал:

– После обеда, по древнему обычаю, положено вздремнуть, – и ушел в спальню.

Соколову осталось одно – ждать сигнала от Горького. Ожидание для гения сыска всегда было мучительным. Он тихо задремал, сидя в глубоком кожаном кресле.

Через час затарахтел телефон. Горький проокал:

– Вам назначено свидание на сегодня, в девять вечера. Подъезжайте к дому под номером девяносто, что на Фонтанке.

– Большое спасибо, Алексей Максимович! – бодро сказал Соколов.

Смелый план

Полковник Носов оказался высоким, хрупким человеком лет сорока. На узком лице выделялись крупные темные глаза, на мир взиравшие с глубокой печалью. Подобно Джунковскому и Соколову, он был преображенцем. Полковое братство роднит. Носов прямо сказал:

– Я Керенского с его недоумками люто ненавижу, так как они – погубители России. Я монархист и этого нигде не скрываю.

Соколов охотно согласился:

– Нашему народу нужна крепкая власть, власть царя. Причем этот царь должен быть грозным, владыкой всех пространств и всего живого. А слюнтяев, демократов, интернационалистов, кокаинистов, гомосексуалистов и прочую рвань наш народ не приемлет. Уж так устроен русский человек: ты его вначале напугай, а уж потом окажи ему милость, не казни. Он должен чувствовать твою волю, твою власть. Тогда человек в тебя поверит, восхитится твоей силой, пойдет за тобой, куда прикажешь, – хоть весь мир воевать, хоть столицу на гнилом болоте строить.

Носов горячо продолжал:

– Я добивался только одного – порядка во всем. Работать фельдъегерем без должной дисциплины – все равно что фармацевту лекарства составлять с завязанными глазами. Мой корпус был хорошо отлаженным механизмом. Но пришло к власти Временное правительство, и начались беды: у нас были три авто, два отобрали вовсе, а для третьего с трудом выбиваем бензин, порой хожу на поклон к самому Керенскому. Денежное довольствие сделали нищенским, семьи кормить не на что, а у меня двое, простите, маленьких детишек. На что жить? С кистенем на дорогу выходить? Штат сократили втрое, вот и приходится дежурить ежедневно по двенадцать – пятнадцать часов. Но главное, что меня возмущает, – Керенский смеет упрекать нас, – и голосом Верховного главнокомандующего выкрикнул: – «В трудный час, когда родина собирает последние силы для решающего удара, вы, фельдъегери, от фронта прячетесь!»

Соколов рассмеялся:

– Похоже!

– Порой я забавляю своих знакомых, речи произношу голосом а-ля Керенский, все со смеху умирают, говорят: не отличить от оригинала.

– У вас талант!

– Я целый год под командой генерала Краснова провоевал, Георгием награжден, сам государь вручал, тяжело ранен – у меня осколок в спине застрял, – а Керенский...

Соколов решил наконец прервать этот страстный монолог:

– Александр Дмитриевич, пока что передо мной задача стоит скромная: мне надо с глазу на глаз пообщаться с государем.

Лицо Носова вытянулось от удивления.

– Во-от оно что! «Скромная»! Легко сказать... Мне Горький по телефону этого не говорил.

– И правильно сделал: телефоны научились подслушивать.

– И как вы, граф, хотите осуществить ваш план?

– С вашей помощью, Александр Дмитриевич.

Носов надолго задумался. Он уперся руками в парапет и следил взглядом за игрой мелкой ряби Невы, потом перевел взгляд на Соколова, медленно выговаривая слова, спросил:

– Цель этой встречи? Ведь в случае чего с меня голову снимут.

Соколов решительно ответил:

– Врать не привык, дорогой однополчанин! Я задам государю единственный вопрос: чем могу быть ему полезен?

– А если государь попросит вашей помощи в организации побега?

– Разумеется, сделаю все, что в моих силах. Себя, во всяком случае, жалеть не буду.

Носов снова задумался. Он снял фуражку. На высоком чистом лбу собрались морщины. Потом протянул Соколову руку:

– Я ваш, граф, союзник. Предпринять, полагаю, необходимо следующее: для передачи дел мне положили три дня. Один день уже прошел. Я задним числом пишу рапорт о необходимости вас зачислить в фельдъегерский корпус в качестве моего помощника, ибо нынешний – подполковник Бобровский – еще на прошлой неделе подал рапорт об отставке. Керенский никогда не подпишет приказ о вашем, граф, зачислении, ибо вы моя креатура. Но я пойду на служебное нарушение, уже завтра оформлю вам удостоверение личности, только срочно сделайте фото.

– Фотографироваться надо в полковничьем фельдъегерском мундире. Где его взять?

– О мундире мы еще поговорим. Пока о существе дела. Я вас отправляю с какой-нибудь корреспонденцией в Царское Село и на пакете делаю помету – «Вручить полковнику Романову Николаю Александровичу лично в руки». Пока будете вручать, сумеете перекинуться несколькими словами с государем, но осторожней – согласно приказу Керенского, все деловые свидания происходят в присутствии охраны.

Соколов улыбнулся:

– Спасибо, однополчанин! Преображенцы никогда не бросали своих государей в трудную минуту. План ваш, Александр Дмитриевич, мне нравится. Но давайте в надписи на пакете добавим: «Совершенно секретно! Не подлежит оглашению. Ознакомиться и расписаться лично на каждой странице бывшему царю и его семейным». Тогда у меня будет повод выпроводить охрану из помещения и довольно долго побыть наедине с государем.

Носов согласился:

– Хорошая мысль! Операцию лучше всего провести в воскресный день, то есть послезавтра.

– Правильно, на месте будут только дежурные офицеры!

Носов хитро подмигнул:

– Тут еще некая приятная подробность: Керенского в Петрограде не будет. Он уезжает в Гатчину, чтобы устроить там смотр воздухоплавательной школы, первой подобной в России.

Соколов хлопнул в ладоши, отчего образовался звук, подобный выстрелу из пушки. Воскликнул:

– Нам Бог помогает! Утром я отправлюсь в Александровский дворец в форме фельдъегеря с необходимыми документами. А вы, Александр Дмитриевич, ровно в девять ноль-ноль позвоните по телефону начальнику караула и голосом Керенского прикажете: «К вам едет новый сотрудник фельдъегерского корпуса полковник Соколов. Пустить автомобиль на территорию дворца, а фельдъегеря Соколова проводить к государю и его семье. У сотрудника секретнейший пакет, бывший царь захочет обсудить его содержание с членами своей семьи. По этой причине во время пребывания фельдъегеря никого из охраны присутствовать не должно!»

Носов азартно улыбнулся:

– Великолепная мысль! Только позвонить надо не с моего аппарата, а с любого другого – тогда не докажут, что звонок был моим. В Зимнем дворце в выходной день труда не составит найти пустующий кабинет с аппаратом. Впрочем... – Носов задумался, подергал себя за ухо. – Но ведь дежурный Александровского дворца тут же перезвонит в приемную Керенского и выяснит, что все это блеф, что тот Соколова не посылал...

– Вот это, дорогой Александр Дмитриевич, вас пусть не беспокоит. Сразу после разговора линия перестанет посылать сигнал. Поняли? Она выйдет из строя, да так, что чинить долго придется.

Носов покачал головой:

– Точно, вы, Аполлинарий Николаевич, гений! А до Гатчины – с лишком сорок верст! Махом не одолеет.

Соколов вдруг вспомнил о важном:

– Мы хотели поговорить о форме. Где ее взять? Без формы ехать нельзя...

Носов теперь задумчиво почесал скулу:

– На складе фуражку я найду, но китель и брюки – таких размеров, конечно, нет. Ведь ваш рост под сажень!

– Без вершка!

Носов шелкнул пальцами:

– Я дам вам адрес одного фокусника: он все вам сошьет за ночь, но с одним условием.

– С каким?

– Если вы ему хорошо заплатите!

– Заплачу, не пожалею. Но насчет срока – не ошибаетесь?

– Не сомневайтесь, он в деле проверен.

– Замечательно!

– Тогда запоминайте адрес: Троицкая, двадцать восемь, Гирш Бухбиндер. Телефона и конного выезда у него нет. Но делу это не помеха.

У Бухбиндера

Соколов направился на Троицкую улицу. Часы показывали без пяти минут двенадцать, но для решения великих задач позднего времени не бывает – так, по крайней мере, рассуждал гений сыска.

На двухэтажном облупившемся доме – ровеснике самого Петербурга – Соколов увидел роскошную зеркальную вывеску в виде буквы «П». На левой вертикали была изображена дама неизвестной национальности и непонятного возраста. На даме были надеты короткие остроносые сапожки, белые гетры, сюртук и альпийская шляпа с перьями. Под мышкой дама держала хлыстик. Справа на таком же зеркале был нарисован военный красавец в кителе, грудь колесом и вся в орденах, и с громадными, лихо закрученными усами.

Между этих двух замечательных картин размещалась надпись большими буквами: «Гирш Бухбиндер из Парижа». И помельче: «Пошив разнообразных дамских и мужских одежд. Военные мундиры. Охотничьи и шоферские костюмы. Срочно!»

Соколов спустился по лестнице и оказался возле дверей, обитых дерматином. Звонок – электрический, но работать он вряд ли мог, поскольку новая власть энергию и в более приличные места не давала. Соколов стукнул по двери кулачищем, еще и еще – ответа не было. И вот когда Соколов собрался долбить в окно, дверь с ужасным скрипом растворилась. В проеме граф увидел какое-то удивительно высохшее и долгого роста существо с узким библейским лицом, на котором важно гляделся нос крючком, нависший над верхней губой. Существо было в ночных тапочках и в белой, словно саван для покойника, спальной рубаше. На костлявой волосатой груди висел крестик. Существо прокаркало:

– Это вы так рано пришел?

– Если вы – маэстро Бухбиндер, так это я пришел, – отвечал в тон Соколов. – Но не рано, а в самый раз. Шалом!

– Шалом! Это я Гирш Бухбиндер. Вы правы, хороший заказчик всегда приходит в самый раз. Нагните голову, при таком прекрасном росте здесь низко. Простите, у нас тут хорошо, но все-таки не Таврический дворец. Где спички? Сейчас зажгу лампу. Господа революционеры опять выключили электричество. Как вам это нравится? Самодержавие, конечно, плохо, но при царе почему-то всегда был свет. Теперь демократия, это хорошо, но почти всегда нет света. Люди могут решить, что демократия – нехорошо. Прошу, только не подумайте, что я против. Я – за, только пусть будет электричество.

Прошли в помещение. В носшибанул тяжкий запах чеснока, пыли и чего-то кислого. На стене висели два зеркала, посредине небольшой прихожей стоял ободранный стол с громадным угольным утюгом, на вешалке висели пальто, фрак, еще что-то, видимо заказы.

Бухбиндер плотоядно скользил антрацитовыми глазами по фигуре Соколова.

– Таки вам перешивать или работать новое?

– Мне надо шить полковничий мундир фельдъегеря, но здесь очень тесно. Может, подыдемся наверх?

– Да, ваша голова слишком уперлась. Еще потолок повредите, хе-хе. Поворачивайте взад. Осторожней, здесь под ногами ступеньки.

Соколов поспешил наверх, как спешит на поверхность воды ныряльщик, засидевшийся без воздуха на дне.

– Так что у вас к нам?

Гений сыска, развлекаясь, продолжал говорить в тон с портным:

– У меня к вам сшить полковничий фельдъегерский мундир.

– Мундир? – переспросил Бухбиндер таким тоном, словно речь шла о чем-то необычном. – Я мундиры работаю. По мундирам я художник, как Исаак Левитан по пейзажам при-

роды. Вы слышали об таком, об Левитане? Можете удивляться, но он женился на моей двоюродной племяннице Циле Шухман. Материя у вас есть?

– У меня есть заказ, и у меня есть деньги.

– Правильно, без денег теперь мундиры уже никто не работает. Образец тоже есть?

Соколову эти затянувшиеся переговоры надоели. Он строго сказал:

– Бухбиндер, у меня нету ни материи, ни образца, ни времени. У меня нет даже сахарного диабета. Но мне нужен мундир. К утру. Если вы не можете, то не крутите мне мозги – и зай гезунд!

Портной Бухбиндер окончательно уяснил, что заказчик серьезный. Он сразу стал деловитым.

– Быстро к утру хорошо не бывает. На моем теле только две руки. Зато у меня нет нужного цвета тонкого сукна. Потом фельдъегерям положен кант малинового цвета. Я буду сейчас ночью бегать по евреям и искать. Вы никогда не бегали ночью по евреям? С их стороны будет такая нахальства, что я вам ничего не советовал. Евреи помогут, но сдерут с вас три шкуры. И они правы. Потому что мундир надо не им, а вам. Шить полковничий мундир – это вам не дворницкий передник строчить. Но для меня это дважды два. Положим, я все найду по знакомым к пяти утра. Мы будем шить втроем – жена Рива и сын Самуил. Вы можете прийти на примерку к двенадцати дня?

– Без примерки можно?

– Можно, но когда вы наденете готовый мундир, то это будет такое, что жалко смотреть. Довод был сильным. Соколов сдался:

– Согласен, приду на примерку в полдень. Сделайте мне копию обмеров.

Бухбиндер, старательно слюня языком химический карандаш и приближаясь к бумаге самым носом, словно хотел эту бумагу клюнуть, нацарапал несколько слов и передал Соколову:

– Держите, это для вас бесплатно! А на вторую примерку жду с нетерпением в четыре.

– Второй примерки не будет. В четыре я приду за готовым мундиром.

– Раз без двух примерок, то стоит дороже и моя фирма последствий не отвечает, если в рукавах будет жать и в шагу тоже. Позвольте вам обмерить. Так, опуститесь, пожалуйста, на две ступеньки, а то не достать. Ширина рукава, плечи – боже мой, на такие плечи и на такой рост никакого сукна не хватит! Суконная фабрика Брухмана должна неделю работать только на вас. Это же все пойдет в два раза больше, чем у обычного заказчика. Брюки прикажете со штрипками? В узких военных брюках непременно рекомендую штрипки, чтобы не набегало.

Бухбиндер вновь во рту послунял огрызок химического карандаша, что-то нацарапал на бумажке и перешел к практической стороне дела:

– Работать такую вещь по теперешним временам стоит сорок пять рублей плюс за скорость – в два раза больше. Материю придется перекупать, положим еще двести десять рублей вместе с брюками, если дешевле – будете иметь сдачу обратно. Пуговицы золоченые? Еще семнадцать пятьдесят да галуны золотом шитые... Вам ведь и подклад хочется шелковый? Вижу, вижу по вашим глазам – хочется! Давайте сразу аванс двести рублей, остальное завтра в шесть вечера, когда получите.

Портной выговорил эти астрономические цифры, и ему стало страшно: вдруг господин военный так рассердится, что начнет стрелять, и хорошо, если только в воздух.

Но военный сказал возвышенную речь, которая ласкала слух старого еврея:

– Я сейчас дам вам, уважаемый Бухбиндер, пятьсот рублей. И столько же завтра. Вы цифру уяснили, сын Давидов? Тысячу рублей! Это неслыханный капитал.

Портной потупил взор и сделался очень спокойным, словно каждый день в его ателье полковники с усердием носили по тысяче рублей ассигнациями. Он с вдохновением произнес:

– Гелд – хорошо, но ваш мундир так всем понравится, что это будет неслыханно.

Соколов решительной фразой завершил разговор:

– Итак, мундир должен быть готов завтра ровно в четыре пополудни. Если не сделаете вовремя, то вместо денег – поколочу, затем прикажу выдать вам трехлинейную винтовку Сергея Мосина образца 1891 года и отправлю воевать на Западный фронт. Там нужны такие бесстрашные герои.

Голос Бухбиндера дрогнул.

– Для чего такие жуткие обещания? Уверяю вас, все будет готово в четыре пополудни! В шагу тянуть не будет. Вещь станет на вас играть, как оркестр пожарных на открытой эстраде Летнего сада! И вообще, не имейте эту вредную привычку нервничать за мою работу.

Уроки мастерства

В воскресный день около девяти утра от Петрограда по Царскосельскому шоссе двигался роскошный шестиместный «бенц».

Дорога в этот утренний час была пустынна. Лишь изредка попадалась крестьянская телега, запряженная жалким одром, или крутил педали велосипедист-спортсмен. Кое-где в лугах косили траву, скирдовали.

В авто сидели двое – за рулем Рошковский, на заднем сиденье – гений сыска. Последний время от времени поглядывал на карманные часы.

Ровно без пяти девять Соколов сказал:

– Витя, въезжай на этот бугор и на вершине остановись.

Рошковский сбросил скорость, на вершине возвышенности затормозил. Соколов поднялся на сиденье, с удовольствием проговорил:

– Прекрасное место! Дорогу видно далеко, и линия телеграфных проводов отнесена в сторону саженой на двадцать. Витя, тебе нравится эта местность?

– Красивая, – отвечал Рошковский. – Птички поют, бабочки порхают.

Соколов посоветовал:

– Авто на всякий случай убери с дороги. Мало ли кто поедет или пойдет, свидетели в нашем благородном деле излишни.

Рошковский дал газу, крутанул в сторону руль и поставил «бенц» за густыми кустами орешника. Теперь автомобиль и в пяти шагах не было видно.

Соколов вынул из брючного карманчика часы – на циферблате было три минуты десятого. Он негромко приказал:

– Пора!

Рошковский открыл багажник и достал моток прочной шелковой веревки. На конце троса была укреплена массивная гайка.

Как учили на курсах разведчиков, Соколов встал меж двух телеграфных столбов, приблизительно посредине линии. Он раскрутил над головой грузило, и гайка взвилась в голубое небо. Другой конец веревки сыщик держал в руке. Затем грузило упало на провода, веревка закрутилась.

Соколов примерился и с силой дернул веревку. Раздался тонкий звук – дзинь! – и провода, не менее десяти пар, лопнули, упали на траву.

Рошковский восхитился:

– Это работа! В доброе время за такое спрятали бы в тюрьму, и надолго, – и стал сматывать вещественное доказательство преступления – веревку.

Соколов сказал:

– Ну, великий стоматолог, не оплошай! Когда ремонтники связь наладят и уедут, ты опять ее – трык! – разрушь. Уяснил? Иначе дежурный офицер Александровского дворца созвонится с приемной Керенского и узнает, что я хитростью прошел к государю. Для меня это закончится военно-полевым судом и самым неприятным приговором. Все понял?

Рошковский вытянулся в струнку, дурашливым голосом ответил:

– Так точно, господин полковник!

– Дело сделаешь и тихо сиди во-он под тем дубом, терпеливо жди меня до часу дня. Если до этого времени я не приеду, значит, меня схватили. Добирайся в этом случае до города согласно собственному разумению.

Друзья обнялись. Соколов сел за руль и понесся к своей неотвратимой судьбе – в Царское Село к арестованному государю.

Рошковский перекинул веревку с гайкой на плечо, перешел дорогу. Он решил действовать по-своему.

Профессор-диверсант

Замечательный доктор и профессор Петербургского университета Рошковский, словно заправский диверсант, спрятался в кустах жасмина. Он прилег на теплую землю, широко раскинув руки.

Кругом была зачарованная тишина – ни одного постороннего звука, только щебетание птиц да стрекот кузнечиков. Сладко пахло травами, сквозь разрыв кустов виднелась бездонно-голубая высь.

На душе было уютно и спокойно. Рошковский рассуждал: «День воскресный, солдаты ремонтной бригады в увольнительной, уехали в Петроград. Пока их соберут, пока они возьмут свои инструменты, пока найдут места обрыва проводов – да это целая вечность пройдет! Зачем я буду еще портить линию? Прежде граф вернется, посадит меня в авто, и мы благополучно вернемся домой, пойдем в «Вену», выпьем водки под исправную закуску, под грибочек и семгу малосольную, – ах, жизнь прекрасна!»

Пока Рошковский рассуждал подобным гастрономическим образом, на него навалилась дрема и он под чириканье пташек и жужжание пчелок впал в сладостный сон.

* * *

Сколько он дрых, нынче никто уже знать не может, но досконально известно, что диверсанта-любителя разбудил далекий звук приближающегося авто. По характерному тарахтению мотора Рошковский, заядлый автолюбитель, вмиг пробуждаясь, определил: «Это пылит по дороге американский „студебекер“, тип девятнадцать, шесть цилиндров, стартер электрический, до Февральской революции стоил три тысячи рубликов. Прекрасный мотор! Небось кто-то из нового начальства торопится».

Рошковский поднялся с земли и осторожно выглянул из кустов. Где-то в четверти версты действительно ехал открытый «студебекер». Шофер держал небольшую скорость. Рошковский различил на сиденьях троих в форме связистов.

Связисты, круто повернув головы вправо, неотрывно смотрели на провода, пытаясь визуально определить общее повреждение линии. Известно, что подобные неприятности случаются, когда высохший до трещин и пропитанный клеем столб спиливается местными мужиками для нужд собственного хозяйства или – гораздо реже – падает сам под воздействием сокрушительных сил северной природы.

Авто подъехало к тому месту, где густые кусты и ветвистые березы загораживали свежей зеленью телеграфную проводку, остановилось напротив Рошковского. Высокий рыжий связист, видимо старший, крикнул:

– Ванька, сбегай погляди, там все в порядке?

Из авто выскочил солдат, напролом полез через кусты.

Рошковский подумал: «Сейчас заорет: „Сюда, тут обрыв линии!“»

Не успел он додумать, как солдат вылез из кустов и закричал:

– Сюда, вашу мать! Тут, ядрена вошь, намеренный обрыв всех проводов! Поди, минут сорок проваландаемся, чтоб ее... Эх, поймать бы того, кто рвал провода, да его!..

Рошковский укоризненно покачал головой: «Какой ругатель, стыд прямо! Интересно, шофер примет участие в восстановительных работах?»

Связисты забрали из багажного сундучка мотки проводов, «кошки», на которых лезят по столбам, и отправились на трудовую вахту.

Рошковский задумался: «Что делать? Если связисты хотя бы на пять минут починят линию, граф Соколов пропал!» Но Рошковскому тут же пришла счастливая мысль: «Сейчас шофер отлучится от своего авто, и тогда...»

К глубокой печали Рошковского, шофер не пошел за связистами, но занялся излюбленным делом всех водителей на свете – поднял капот и стал сладострастно ковыряться во внутренних частях стального зверя.

План Рошковского рушился, ибо шофер тут был неприятной помехой.

Но вот шофер хлопнул капотом и начал тщательно вытирать ветошью руки. Потом зевнул, да так громко, что испугалась ворона, сидевшая на дубе, каркнула и боком полетела в сторону. Затем шофер решил прилечь. Он перепрыгнул через давно высохшую канаву и растянулся на земле.

Рошковский перекрестился, прошептал:

– Господи, благослови! Самое время действовать, – и начал осторожно выбираться из кустов, пересек пустынную дорогу, подошел к автомобилю.

Шофера, улегшегося в высокой траве, не было видно. Рошковский посмотрел на щиток и, к своей неопишуемой радости, заметил: ключ зажигания торчит в замке.

Рошковский лихорадочно соображал: «Если залезть потихоньку в авто, то, пока я заведу мотор, прибежит шофер, подымет шум... Что делать?» И вот профессора университета осеңило. Он осторожно открыл переднюю дверцу, снял машину с тормоза и, не теряя времени, стал толкать ее. «Студебекер» – штуковина массивная, тяжелая – не поддавался.

Рошковский напрягся еще больше, в висках застучала кровь, в глазах потемнело, между лопаток заструился пот. Подгоняла мысль: в любой момент могут появиться связисты или спохватится шофер, привлеченный сопением разведчика.

«Студебекер» находился на самой вершине возвышенности, и это крепко помогло делу. Автомобиль нако нец-то сдвинулся с места. Рошковский с еще большей отчаянностью уперся плечом в машину, и она начала набирать ход.

В этот момент, уже за своей спиной, он услышал голоса связистов:

– Где наш водила? Ах, уснул, сердечный...

Тут же истошный голос завопил:

– А где мотор?! Гляди, его мужик какой-то угоняет! Держи вора! – И связисты бросились вдогонку за Рошковским.

«Студебекер» успел уехать саженей на тридцать, но преследователи с каждой секундой сокращали расстояние. Рошковский уже слышал за своей спиной топот их шагов, тяжелое дыхание и угрожающие обещания:

– Ну, поймал – убьем!

Рошковский с разбега вскочил на сиденье, повернул ключ зажигания, выжал сцепление, нажал на педаль газа. Преследователи уже почти висели на задке машины. Авто рвануло, все больше набирая скорость. Связисты словно безумные продолжали нестись по дороге, падая и задыхаясь матерной бранью.

Рошковский снял фуражку, приподнялся на сиденье и помахал ею в воздухе:

– Привет защитникам народной демократии! Поцелуйте своего Керенского в задницу.

Рошковский на полной скорости понесся вперед, чуть не врезался в фуру с сеном, выехавшую с проселочной дороги. Но уже километра через полтора остановился, вынул веревку с гайкой, запустил ее на телефонную линию, рванул – и провода, словно гитарные струны, с уже знакомым звуком разорвались, концы упали на землю.

Связь Царского Села с канцелярией Керенского вновь была нарушена, и вовремя...

Ненависть рабов

Вернемся к нашему герою и к тем событиям, которые легендой вошли в историю мировой разведки.

Итак, расставшись с Рошковским, Соколов на «бенце» покатыл к резиденции русских царей. Когда авто подъезжало к воротам Александровского дворца, оттуда выехал «студебекер» с открытым верхом, в котором сидели уже известные нам связисты.

Соколов удивился такой оперативности, с тревогой подумал: «Рошковский не оплошает, успеет задать работы этим парням?»

Гений сыска хотел нажать на клаксон, но не успел: из узкой дверцы домика для караула выскочил капитан, широкоплечий белобрысый парень в фуражке и в сапогах, начищенных до зеркального блеска. За ним вразвалку вышли еще десятка полтора солдат, кое-как выстроились в шеренгу.

Белобрысый взял под козырек, гаркнул:

– Равняйсь, смирна! Первый взвод специального батальона по охране бывшего царя, полковника Романова, для встречи полковника Соколова выстроен! Командир роты дежурный капитан Аксюта.

Соколов, продолжая сидеть за рулем, взял под козырек, громоподобным голосом провозгласил:

– Здравия желаю, солдатики!

Те нестройно отвечали:

– Здравия желаем, господин полковник...

Соколов вылез из авто, с недоумением обвел взором строй:

– Почему так вяло? Каши мало ели? Ну-ка, братцы, во всю глотку, чтобы невесты в родной деревне услышали. – И повторил: – Здравия желаю, солдаты!

На сей раз солдаты во всю глотку рявкнули:

– Здравия желаем, господин полковник!

– Совсем другое дело! Ты, капитан Аксюта, следи за дисциплиной. Будешь верно служить народному правительству, получишь награду и двухнедельный отпуск домой. Где твои родители?

– В Ельце, господин полковник!

– Наведи порядок в роте, а то приветствуют старшего офицера, будто нищие копеечку на паперти просят, да и вид у них неряшливый.

– Позвольте обратиться, господин полковник?

– Обращайся, капитан.

– Вещевое довольствие задерживают, вот мы и поистерхались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.